

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование кафедры)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Лингвопрагматические средства создания речевых ситуаций
конфликтного общения в пьесах современных драматургов»

Студент	М.А. Соснина	_____
	(И.О. Фамилия)	(личная подпись)
Научный руководитель	Л.А. Сомова	_____
	(И.О. Фамилия)	(личная подпись)
Руководитель программы	д-р. филол. наук, проф. И.А. Измestьева	_____
	(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)	(личная подпись)

« ____ » _____ 2018 г.

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой	канд. филол. наук, доцент О.Д. Паршина	_____
	(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)	(личная подпись)

« ____ » _____ 2018 г.

Тольятти 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ.....	11
1.1 Речевая агрессия как явление современного общества	11
1.2 Конфликтогенный потенциал слова.....	22
1.3 Языковые и прагматические факторы, нарушающие эффективное общение.....	26
Выводы по первой главе.....	43
ГЛАВА 2. КОНФЛИКТОГЕНЫ В ПЬЕСАХ СОВРЕМЕННЫХ ДРАМАТУРГОВ	44
2.1 Специфика конфликта в современной драме.....	44
2.2 Лингвопрагматические средства создания речевых конфликтов в пьесах современных драматургов: лексика, речевые стратегии и тактики.....	49
2.3 Практическое значение изучения пьес в аспекте речевых актов.....	78
2.4 Художественный текст и возможности современной лингвистической экспертизы	81
Выводы по второй главе.....	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	90
ПРИЛОЖЕНИЕ	99

ВВЕДЕНИЕ

Особый интерес к проблемам лингвокриминалистики и юрислингвистики в настоящее время обусловлен изменениями, происходящими в обществе, и появлением новых языковых явлений, требующих особых познаний в области соприкосновения языка и права. На данный момент мы можем наблюдать необходимость повсеместной гуманизации всех сфер человеческой деятельности, которая должна повлечь за собой становление мировоззрения, в котором преобладают общечеловеческие ценности. Личность, воспитание уважения к личности необходимо вынести на первый план. Такая установка делает приоритетным вопрос межличностного общения как главного средства взаимодействия между людьми.

Главной причиной нарушения гармоничного взаимодействия в обществе является конфликт – противостояние, противодействие. Конфликт проявляет себя в противоборстве сторон, которые сознательно действуют в ущерб друг другу.

Конфликт как естественное явление может носить положительные и отрицательные стороны. Негативные последствия конфликтов знакомы каждому – в межличностном общении они могут привести к расторжению отношений, а в более серьезной форме стать причиной моральных и физических травм. При верном решении конфликта между сторонами могут возникнуть новые соглашения, что несомненно имеет положительный характер. Конфликт является основой всякого художественного произведения, более всего это относится к такому роду литературы как драма.

В связи с известными историческими и политическими событиями, произошедшими в начале 90-х годов XX века, на данный момент ученые отмечают кризис общественного сознания, который находит свое отражение прежде всего в языке. В век развития высоких технологий, когда обострение

межличностных и межнациональных конфликтов может привести к непоправимым результатам, наиважнейшую роль играет умение гармонично взаимодействовать и договариваться. Решение конфликтов является очень непростой задачей. Этой проблемой занимается целый ряд научных дисциплин, потому как конфликт может возникнуть в любой сфере человеческой деятельности. Первой в этом ряду стоит конфликтология, которая занимается разного рода конфликтами, поисками причин их возникновения и способов их разрешения. Проблема конфликта занимает умы политологов, философов, социологов, юристов, а также лингвистов.

Особый интерес представляют речевые конфликты. Ведь именно в речи заложены основные компоненты, способные повлиять на развитие человека и, в тоже время, являющиеся главным индикатором состояния общества. Всегда путь предупреждения любой проблемы легче, чем путь ее устранения. В связи с этим возникает необходимость изучения речевых конфликтов и конфликтных ситуаций с целью распознавания их на ранних этапах.

В.С. Третьякова в своей статье «Конфликт как феномен языка и речи» делает вывод, что *«знание сценариев конфликтного типа взаимодействия и соответствующих речевых жанров обеспечивает предсказуемость речевого поведения в подобных ситуациях общения и имеет объяснительную силу для распознавания потенциально конфликтных ситуаций, ситуаций риска и собственно конфликтных ситуаций, а также прогноза и моделирования коммуникантами как самой ситуации, так и своего поведения в ней»*. Конечно, невозможно проработать все речевые конфликты и предугадать все конфликтные ситуации общения, но *разбор и типизация таких ситуаций и факторов на примерах, может дать возможность угадывать примерный ход развития речевого конфликта и вовремя принять верные меры для его погашения*.

Изучение средств создания речевых конфликтов – актуальное направление в лингвопрагматике, обусловленное запросами современного общества и развитием науки.

Художественный текст имеет высокую степень воздействия на адресата. Одним из факторов его эффективного воздействия является употребление экспрессивных приемов, обладающих в свою очередь конфликтогенным потенциалом. Тексты пьес, ожившие на театральной сцене, отличаются особой силой воздействия.

В данной работе нами будут рассмотрены современные пьесы с точки зрения лингвопрагматики, выявлены языковые и прагматические средства создания конфликтных ситуаций и конфликтных речевых актов. В пьесах, как известно, преобладают диалогическая или монологическая формы, что связано со спецификой драматических произведений, предназначенных для постановки на сцене. Эта особенность требует от драматурга особенного внимания к репликам персонажей, чья речь должна соответствовать современному этапу развития общества и отражать процессы, происходящие в языке в данный момент времени. Это условие обеспечивает актуальность пьесы и эмоциональный отклик со стороны зрителя. Автор подвергает тщательному отбору речевые конструкции и ситуации их применения. Таким образом, драма, как особый род литературы, способна показать жизнь в ее реальном воплощении. Особенно это заметно в пьесах современных авторов, чьи пьесы затрагивают острые социальные проблемы и, часто, полны натурализма и экспрессии. Это связано с особенным этапом развития драмы, который включает в себя такие направления и течения как «новая новая драма», документальный театр, социальный театр.

Исследователи отмечают, что современная драма претерпевает кардинальные изменения на всех уровнях. *Отличительной чертой нынешних драматургов является склонность к эпатажу, использование языковых и неязыковых средств для создания «шокирующего» эффекта.* В числе таких средств можно отметить нецензурную и обсценную лексику, *показ острых*

речевых конфликтов, через употребление героями конфликтных речевых стратегий и тактик. Употребление подобных языковых средств приводит к тому, что пьесы «наполняются» острыми речевыми конфликтами, которые, в том числе, могут привести ко всевозможным ситуациям конфликтного общения. Так, на постановке молодого тольяттинского режиссера по пьесе современного драматурга, возник конфликт, связанный именно с употреблением героями спектакля обценной лексики. Зрители разделились на сторонников вольного использования неприличных выражений, аргументируя их художественным замыслом, и на тех, кто был категорически против, по этическим соображениям. Конфликт был перенесен далее в социальную сеть, где развернулся уже в более конкретных и резких высказываниях «за и против».

Таким образом, пьесы современных драматургов дают возможность выявить особенность построения речевых конфликтов с точки зрения лингвопрагматики, исследовать, как разворачиваются конфликтные речевые акты и какое воздействие оказывает один персонаж на другого, выявить структуру конфликтного общения и типизировать его средства. Разбор пьес современных драматургов позволит рассмотреть «замершие» речевые конфликты и понять, как распознать их на раннем этапе и, возможно, избежать или нейтрализовать их в ситуациях реального общения.

Целью исследования является выявление и анализ лингвопрагматических средств создания ситуаций конфликтного общения в текстах современных драматургов.

Нами поставлены следующие **задачи исследования**:

1. Анализ основных лингвопрагматических средств, используемых драматургами для создания конфликтной ситуации в пьесе.
2. Выявление конфликтогенной лексики в речи персонажей, особенностей использования «ты-Вы» форм, обращений, негативно оценочной лексики.

3. Определение наиболее частотных стратегий и тактик конфликтного общения.

4. Выявление практической значимости пьес современных драматургов в аспекте теории речевых актов.

5. Рассмотрение проблемы юридизации художественных текстов.

Объектом исследования являются тексты современных драматургов В. Сигарева, Ю. Клавдиева, Н. Коляды, И. Андреева, Д. Данилова.

Предметом исследования являются лингвопрагматические средства создания речевых ситуаций конфликтного общения в текстах современных драматургов.

Методологическая база исследования основывается на работах таких ученых как Н.Д. Голев, Н.И. Формановская, Т.В. Журчева, К.Ф. Седова, М.И. Громова, В.С. Третьякова и др. В исследования используются методы контекстуального и ситуативного анализа, описательно-аналитический метод, приемы интерпретации текста.

Актуальность выбранной темы обусловлена отсутствием научных разработок по изучению современной драматургии с точки зрения лингвоконфликтологии и лингвопрагматики. На данный момент перед лингвистами стоит нелегкая задача, которая заключается в создании «полной непротиворечивой теории успешной дискурсивной гармонии/дисгармонии, а также, описание стратегий и тактик такого рода в границах русских традиций общения и коммуникативных норм данной лингвокультурной общности» [Третьякова, 2003, с. 3]. Наше исследование предполагает вклад в разработку методики по выявлению прагматических и языковых факторов возникновения конфликтного общения в рамках русской культуры.

Материалом исследования послужили тексты современных драматургов: В. Сигарева «Пластили», «Волчок», Ю. Клавдиева «Пойдем, нас ждет машина», Н. Коляды «В Москву, разгонять тоску! (Провинциалки)», И. Андреева «Боюсь стать Колей», Д. Данилова «Человек из Подольска».

Теоретическая значимость. Исследование расширяет актуальные понятия в лингвистике относительно конфликтных текстов, конфликтогенности языковых средств. Современная драматургия рассматривается как экспериментальный материал для изучения речевых конфликтов с точки зрения лингвопрагматики и лингвоконфликтологии.

Практическое применение работы возможно в ходе практических занятий по лингвокриминалистике, лингвоконфликтологии и теории речевых актов. Также результаты исследования могут быть использованы в ходе обучения школьников в театральных кружках, где необходимо разъяснение сути конфликта для лучшего понимания диалога. Исследование может быть интересно начинающим драматургам для создания конфликтных ситуаций и диалогов в своих произведениях.

Апробация работы. Результаты исследований представлялись на научно-практических конференциях «Студенческие Дни науки ТГУ» в 2017 и 2018 годах, а также на круглом столе по научной проблеме «Конфликт и его роль в жизни общества» в 2017 году. Основные положения работы вошли в публикацию двух научных статей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Драма, как особый род литературы, способна показать жизнь как художественную реальность: речевое поведение героев типизируется автором, часто являясь речевой моделью конфликтного общения, отражением наиболее частотных конструкций речевых актов оскорбления, угрозы, насмешки и т.д.
2. Лингвопрагматический анализ пьес современных драматургов позволит рассмотреть «замершие» речевые конфликты и понять, как распознать их на раннем этапе и, возможно, избежать или нейтрализовать их в реальной жизни, в реальном общении.

3. Наиболее интересными современными драмами для изучения типизированных конфликтных ситуаций являются пьесы В. Сигарева, Ю. Клавдиева, Н. Коляды.
4. Отражая в своих произведениях реалии современности, драматурги фиксируют речь, звучащую вокруг них, воспроизводя при этом языковые средства, наиболее употребительные в обществе: в речь персонажей проникают просторечные формы, сленгизмы, вульгаризмы, ненормативная лексика, используются речевые стратегии и тактики конфликтного общения.

Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографического списка и приложения.

Во введении работы обосновывается выбор темы, актуальность исследования, обозначается предмет, объект, цели, задачи, методологическая база исследования, его практическая и теоретическая значимость, определяются положения, выносимые на защиту и структура работы.

В первой главе «Конфликтогенный текст в аспекте лингвопрагматики» нами рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся причин возникновения речевой агрессии, ее виды и способы ее проявления. В первом параграфе мы рассматриваем агрессию и агрессивное поведение, анализируем причины возникновения этого явления, даем определение термину речевая агрессия. Во втором параграфе мы рассматриваем конфликтогенность языка и речи, раскрываем понятие конфликта, вводим термин «инвектива». В третьем параграфе мы раскрывает понятие коммуникативной неудачи и речевого конфликта, рассматриваем языковые и прагматические факторы, приводящие к возникновению речевых конфликтов.

Во второй главе «Речевые ситуации конфликтного общения в пьесах современных драматургов» мы рассматриваем тексты современных драматургов в аспекте лингвопрагматики и лингвоконфликтологии. В первом параграфе мы выявляем специфику современного театра и современной

драматургии. Во втором параграфе нами производится разбор фрагментов из пьес современных драматургов и выявление лингвистических и прагматических средств создания конфликтных ситуаций. В третьем параграфе мы рассматриваем практическую значимость анализа пьес с точки зрения лингвопрагматики и лингвоконфликтологии. В последнем параграфе мы рассматриваем вопрос о возможности проведения лингвистической судебной экспертизы по отношению к художественным текстам.

В заключении описаны выводы, полученные нами в ходе исследования.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

1.1 Речевая агрессия как явление современного общества

Такое явление как агрессия можно встретить не только во всех сферах человеческой жизни, но и, более того, во всех проявлениях самой жизни. Агрессия, как широкое понятие, свойственна всему живому миру и является естественным поведением как для животных со сложной нервной организацией, так и для насекомых и, в некоторой степени, различных микроорганизмов. Агрессия у животных регулируется инстинктами. Однако человек способен самостоятельно выбирать линию поведения и принимать решения, руководствуясь культурными, этическими и моральными принципами, заложенными в современном ему социуме. С другой стороны человек имеет возможность самостоятельно выбирать агрессивное поведение, руководствуясь своими внутренними побуждениями, и осознанно использовать агрессию для достижения личных целей.

Проблему агрессии рассматривает прежде всего психология, откуда, собственно, и пришел этот термин. В Большой психологической энциклопедии термин **агрессия** (от лат. Aggredi – нападать) толкуется как целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания и т.д. Человек, ведущий себя агрессивно по отношению к кому-либо приобретает устойчивую характеристику – агрессор.

Психологи Р. Бэрн и Д. Ричардсон рассматривают несколько **определений агрессии**. Во-первых, это любое поведение, содержащее угрозу и наносящее вред другим. Во-вторых, чтобы те или иные действия были квалифицированы как агрессия, они должны включать в себя намерение обидеть или оскорбить, а не просто приводить к таким последствиям. Как отмечают исследователи, большинство ученых склоняются к следующему

понятию агрессии – это любая форма поведения, нацеленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему такого обращения [Бэрон, Ричардсон, 2001, с.25-34].

Ю.В. Щербинина отмечает, что на данный момент не существует единого мнения на то, что такое агрессия. Существует несколько основных концепций, в рамках которых рассматривается этот феномен: психоаналитическая, этологическая, фрустрационная, бихевиористическая, психолингвистическая. Все их условно можно разделить на биологический и социальный подход. Так, первый обусловлен заложенными природой особенностями человека, а второй предполагает агрессию, как приобретенное со временем качество личности.

Причины возникновения агрессии могут быть самыми разными: биологическими, социальными, психологическими и т.д. Говоря об агрессии, исследователи выделяют ее естественную природу, неотделимость от нормальной человеческой жизни и отмечают как отрицательные, так и положительные стороны этого явления. Среди положительных качеств выделяют – настойчивость, инициативность, преодоление препятствий, а также упорство при достижении целей (В. Клайн). Другие ученые подчеркивают необходимость агрессивного поведения, как средство адаптации и преодоления тревожности.

Негативные стороны сами по себе очевидны – агрессия приводит к всевозможным конфликтам, которые могут носить как межличностный характер, так и межнациональный, межконфессиональный и другие виды конфликтов. Крайнее проявление агрессивного поведения может нанести вред различной степени тяжести как морального плана, так и физического.

История в прошедшие времена знает много примеров проявления крайней агрессии. Принимая во внимание события Второй мировой войны, человечество осознало весь масштаб трагедии, которая может случиться из-за агрессивных действий, совершенных отдельными представителями человеческого рода, и как заразителен и ужасен может быть пример

неконтролируемого, агрессивного поведения. С изобретением средств массового поражения, безусловно, неконтролируемое агрессивное поведение может привести к катастрофическим результатам. Именно поэтому исследователи уже много лет занимаются поиском средств преодоления агрессии и способов ее ликвидации на ранних стадиях.

На данный момент в обществе под воздействием ряда факторов происходит стремительный рост негативных настроений и как следствие агрессии. Прежде всего это связано с политической и экономической обстановкой в стране.

Выделяют две **формы агрессивного поведения**:

- **целевая агрессия** проявляется, когда мотивации агрессора спланированы им заранее и агрессия направлена на причинение вреда реципиенту;

- **инструментальная**, когда агрессия выступает в качестве средства достижения цели, которая сама по себе не является агрессивным актом.

Психолог А. Басс предложил деление видов агрессии по принципам их воздействия: прямая-непрямая (по степени выражения), активная-пассивная (по степени выражения), физическая-вербальная (по методу выражения). Так или иначе весь спектр агрессивных действий попадает под комбинации этой классификации [Бэрон, Ричардсон, 2001, с.30]. Так, например, оскорбление в СМИ будет считаться вербальным непрямым активным актом агрессии.

Проявление агрессии заключается в нанесении ущерба жертве. Это означает, что реципиенту могут быть нанесены как физические увечья, так и моральные, посредством нанесения оскорбления или обиды. Исходя из этого утверждения, можно сделать вывод, что к нанесению ущерба может быть отнесено выставление жертвы в невыгодном свете, унижение чести и достоинства, очернение деловой репутации и т.д. По этой причине особое внимание в нашей работе мы уделим понятию речевой агрессии, которая является ничуть не менее опасной, чем физическая. В.И. Шаховский,

анализируя последствия неэкологичности языка, отмечает, что современное общество со всеми его проблемами требует «срочного лингвохирургического вмешательства, потому что слово обладает значительно большей убойной силой, чем вся военная техника» [Шаховский, 2016, с. 386]. Исследователь отмечает необходимость «очищения» языка от негативных эмоциональных установок, которые приводят не только к дисгармонизации общения, но могут даже влиять на здоровье человека [Шаховский, 2016, с. 22].

Порой именно неудача или успех в коммуникации могут привести либо к применению физической силы, либо, напротив, избежать ее применения. Речевая агрессия является серьезным препятствием в процессе коммуникации.

На данный момент развития общества, как отмечает Баучиева З.Б., «наблюдается деградация языкового сознания и речевого поведения многих из тех, кто вошел в наступающее тысячелетие» [Цит. по: Мушаров, 2003, с. 3]. Прежде всего это отражается на межличностной коммуникации. В речи разных слоев населения (студенчество, рабочие и проч.) наблюдается снижение речевой культуры. Начало этого процесса обусловлено событиями, произошедшими в России на этапе перестройки и распада Советского Союза. Речь современного русского человека изобилует просторечиями, жаргонизмами, инвективной лексикой, вульгаризмами и нецензурной бранью, все это является результатом речевой агрессии и, в тоже время, способно спровоцировать ответную агрессивную реакцию. Подобная ситуация нарушает экологичность речи и приводит к конфликтным ситуациям. На территории Российской Федерации существует ряд законов (закон о запрете ненормативной лексики в произведениях искусства, закон о нарушении общественного порядка), которые призваны контролировать употребление нецензурных слов в обществе, предполагая административные штрафы при их публичном произнесении. Однако их соблюдение не всегда является выполнимым по причине невозможности контролировать каждого человека в тот момент, когда ему захотелось «крепко» высказаться в адрес

кого-либо. Действительные же наказания предусмотрены лишь для серьезных случаев правонарушения, таких как оскорбление, унижение чести, достоинства и деловой репутации, призывы к экстремисткой деятельности, клевета. Таким образом коммуникативная сфера находится под пристальным вниманием юристов, которые в этой области никак не могут обойтись без участия лингвистов. И за последнее время юрислингвистика охватывает все большие области сферы коммуникации.

В общем понимании **речевая агрессия** представляет собой «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Быкова, 1999, с. 96]. В более узком понимании под вербальной агрессией понимают высказывание, которое направлено на нанесение собеседнику «эмоционального удара» с целью вызвать у него мгновенную негативную реакцию.

Существуют разные виды речевой агрессии. По способу воздействия К.Ф. Седов выделяет следующие виды агрессии:

- вербальную/невербальную (зависит от способа знакового выражения: слова, жесты, мимика и т.д.);
- инициативную/ реактивную (зависит от намерения коммуниканта: нападение или защита);
- активную/ пассивную (активность речевого акта);
- сильную/ слабую (степень интенсивности воздействия);
- непосредственную/ опосредованную (характер общения);
- спонтанную/ подготовленную (модель рождения речи: неподготовленная или подготовленная заранее);
- прямую/ непрямую (прямое или косвенное речевое выражение);
- инструментальную/неинструментальную (зависит от того, применяет ли коммуникант дополнительную иллокуцию);
- враждебную/ невраждебную (если ли враждебное намерение или его нет) [Седов, 2005, с. 88-99].

Ю.В. Щербинина отмечает существование осознанной (мотивированной) агрессии, которая имеет цель причинить вред жертве, и неосознанной речевой агрессии, которая не несет в себе намерение причинить ущерб, но потенциально может его в себе содержать.

Н.С. Громова выделяет три основных вида неосознанной речевой агрессии:

1. Компенсаторная агрессия, которая заменяет речевыми действиями реальные. Этот вид агрессии возникает из-за сильного эмоционального напряжения человека, который в состоянии аффекта ведет себя агрессивно, нарушая коммуникативные нормы, но при этом не имеет намерения причинить вред окружающим. Подобное поведение служит для снятия эмоционального стресса.

2. Игноратная агрессия, которая является следствием неграмотности человека, нарушившего нормы коммуникации. В данном случае не фиксируется намерение ущемить права реципиента, потому как подобный способ общения представляется единственным средством взаимодействия.

3. Оказиональная агрессия, в случае которой роль автора снимается, но значение сказанных им слов вплетается в контекст ситуации (фоновые знания адресантов) [Громова, 2016, с. 177-179].

Также Н.С. Громова говорит о трех видах осознанной речевой агрессии:

1. Коммуникативная агрессия, в следствие которой нарушаются этические и коммуникативные нормы. Здесь агрессия скрыто или открыто направлена на адресанта без учета его принадлежности к какому-либо социальному слою, учитывается только коммуникативные условия «здесь и сейчас». В этом случае не происходит нарушение норм законодательства, а только ущемление прав собеседника.

2. Социальная агрессия, которая направлена на причинение адресанту материального и морального ущерба, связанного с его положением в обществе. Данный вид агрессии может привести к серьезным социальным

конфликтам и регулируется законодательством Российской Федерации. Сюда можно отнести такие правонарушения как оскорбление, клевета и т.д.

3. Идеологическая агрессия, которая предполагает создание идеологии, ущемляющей права лиц, отнесенных к определенной группе, и призывает к совершению каких-либо противоправных действий по отношению к ним. В данном случае речевая агрессия выступает в форме опасного действия, угрожающего безопасности страны. К данному виду агрессии можно отнести такое явление, как «словесный экстремизм» [Громова, 2016, с. 180-184].

Речевая агрессия определяется Ю.В. Щербининой, во-первых, как вербальное проявление эмоциональной разрядки, когда агрессор стремится выразить кому-либо свои негативные эмоции. Часто этот происходит в ответ на какие-либо внешние раздражители. А во-вторых, как намерение говорящего нанести кому-либо коммуникативный ущерб. Так, первый вид проявления агрессии Ю.В. Щербинина называет агрессивным речевым поведением, а второй вид она определяет как чистое проявление агрессии и называет агрессивной речевой деятельностью. Исследователь называет три основных эмоции, которые могут привести к возникновению агрессивного речевого поведения: отвращение, презрение и гнев, их объединяют под общим названием «триада враждебности» [Щербинина, 2004, с. 17-19]. Так, отвращение вербально может выражаться в грубом требовании или отказе, презрение в насмешке или обидном замечании, гнев в оскорблении и угрозе, упреке. Все эти проявления приводят к обидному общению.

Среди **причин** возникновения речевой агрессии Ю.В. Щербинина называет социальные, психологические, коммуникативные, социокультурные.

В социальную группу входят политические, культурные, экономические проблемы, пропаганда насилия в масс-медиа, отсутствие цензуры и религиозных или идеологических принципов, сдерживающих агрессивное поведение. Все эти факторы предполагают общее снижение качества жизни и асоциальное поведение.

Психологический аспект включает: разные типы личности коммуникантов, которые предполагают определенное речевое поведение индивида (Э. Берн), возрастные кризисы, а также психологический дискомфорт, вызванный различными причинами.

К коммуникативной группе причин относятся, например, заранее имеющиеся негативные установки (агрессия в речи в качестве защитного механизма) [Щербинина, 2004, с. 14-17].

Речевая агрессия создает ряд **проблем**, среди которых исследователи отмечают:

- затруднение при обмене информацией;
- не позволяет собеседникам понять друг друга;
- делает общение неэффективным, вносит в него деструктивный элемент;
- способно привести к серьезным конфликтам, в том числе к судебному разбирательству и т.д.

К основным **мотивам**, способным спровоцировать речевую агрессию, могут быть отнесены:

- утверждение в социальной группе за счет проявления речевой агрессии (например, подростки используют экспрессивную или ненормативную лексику с негативным значением для самоутверждения среди сверстников);
- нанесение ущерба другим участникам коммуникации с целью занять более высокое социальное положение, нанести моральный урон адресату;
- защитная функция речевой агрессии: совершение агрессивных речевых действий в адрес обидчика;
- манипуляторная функция речевой агрессии, которая может проявляться в желании запугать собеседника и заставить его подчиниться своей воле (заменяет физические действия).

Среди **проявлений** речевой агрессии Ю.В. Щербинина называет:

- оскорбление, которое выражается в унижении чести и достоинства. Основным маркером оскорбления является неприличная форма выражения, а также адресность высказывания;

- ссору, как особый речевой жанр межличностного общения. Ссора проявляется во взаимной враждебности коммуникантов, проявлении ими речевой агрессии в адрес друг друга. Таким образом ссоре присуща смена ролей в ходе речевого акта;

- грубое требование, выражением которого служит требование в жесткой и грубой форме. Чаще всего это побудительное выражение, в основе которого стоит глагол в повелительной форме;

- грубый отказ – выраженный в ненадлежащей форме отрицательный ответ, эта форма речевой агрессии нарушает норму вежливости и этикета. Грубый отказ в своей структуре не содержит формул вежливости, объяснение причины отказа и сопровождается повышением интонации;

- угрозу – обещание причинить вред в ответ на невыполнение или выполнение каких-либо действий со стороны адресата;

- насмешку, которая выражается в обидной шутке в адрес реципиента. Целью насмешки может быть причинение морального вреда собеседнику, выставление его на посмешище;

- враждебное замечание, которое проявляется в вербализации враждебного отношения, враждебной позиции к кому-либо;

- порицание, которое выражается в неодобрении и осуждении адресата [Щербинина, 2004, с 39-47].

В этот же список можно добавить клевету, призывы к экстремистской деятельности, нарушение правил этикета и многие другие речевые действия, направленные на причинение ущерба адресанту.

К отдельному виду проявления агрессии в речи можно отнести так называемый язык вражды или Hate speech, который особенно остро проявляет себя в средствах массовой информации. В понятие языка вражды входит общее обозначение всех средств языка, которые адресат публично

произносит для проявления враждебного отношения к лицу или группе лиц, отличающихся принадлежностью к какой-либо национальной, конфессиональной, социальной или иной группе, культуре или субкультуре.

За последние годы наблюдается рост числа средств массовой информации, что связано с развитием сети Интернет. Одновременно происходит процесс снижения авторитета СМИ, как указывает Шаховский «из-за их системной неэкологичности и формирования негативного реагирования» [Шаховский, 2016, с. 402]. Конкуренция в этой сфере заставляет журналистов и редакторов прибегать ко все более изощренным методам воздействия и средствам привлечения внимания. Часто эти методы противоречат нормам морали. Известно, что СМИ являются одним из основных ориентиров в формировании речевой культуры, особенно современной молодежи. Шаховский отмечает, «если у старшего и среднего поколения унижение языком вызывает неприятие информации, ее осуждение, возмущение, протест против такого поведения, то молодое поколение россиян считает, что тот язык, который они слышат вокруг себя и которым пользуются сами, и есть естественный русский язык» [Шаховский, 2016, с. 402-403].

Также СМИ способны формировать эмоциональный фон общества. Ю.В. Щербинина к причинам возникновения речевой агрессии относит речевые акты из СМИ, которые содержат негативные модели речевого поведения. Постоянное нагнетание напряжения за счет негативных экспрессивных средств, создает у читателей чувство страха и тревоги. На наш взгляд, также большую роль играет развитие технологий, которые становятся доступными все большему числу людей разных возрастов, уровня образования, социального статуса. Возникает все больше виртуальных площадок для коммуникации: всевозможные виртуальные социальные сети («В Контакте», «Фэйсбук» и прочие), форумы, блоги и проч., где население может открыто высказываться, оставлять комментарии, обсуждать любые темы. Специфика общения в сети интернет позволяет пользователям не

открывать своих истинных имен и не раскрывать своей личности. Подобная «вольность» часто раскрепощает говорящего и дает ему свободу в выборе средств выражения. Часто комментарии в социальных сетях изобилуют словами, вынесенными за норму литературного языка, этому способствует неформальный характер общения. Анонимностью высказывания могут также пользоваться люди, имеющие цель манипулировать общественным мнением, намеренно создавая конфликтные ситуации. Особенно острые конфликты наблюдаются в комментариях виртуальных СМИ к новостям, имеющим политическую тематику (которые сами по себе часто носят иронический или даже саркастичный характер), а также на злободневные темы. Приведем в пример заголовки новостных заметок из тольяттинского информационного сообщества в сети «В контакте» «Тольятти»: «Тольяттинская *утопленница* стала *жертвой сокращений* на АВТОВАЗе», «Глава ТПП предложил тольяттинцам *спасать самих себя*», «Пойман *мерзавец*, грабивший пенсионеров в Тольятти и Самаре» и т.д. Экспрессивные и не всегда достоверные сведения, вызывают у читателей агрессивную реакцию. На заметку под названием «Кадыров выступил за *введение* в России *смертной казни для террористов*» последовала реакция горожан: «Первый президент чечни кадыров призывает убивать русских. Говорит; джихад А теперь эта шваль к нам понаехала. Доколе!? Как белые люди интернетами пользоваться научились. Давно ли срали в дырку в своем ауле?», «Сергей, вот этот колпачок скоро будет торчать из твоей задницы!» и т.д. Напряженная ситуация на страницах социальных сетей не может не сказываться на повседневном поведении людей, агрессивное поведение закрепляется в реальном поведении и общении. *Речевая агрессия обладает мощным конфликтогенным потенциалом и является одной из наиболее частых причин, приводящих к возникновению конфликта.*

Подводя итог под всем вышесказанным, мы можем сделать вывод, что современное общество нуждается в методах борьбы с речевой агрессией, возникающей в медиа пространстве, в межличностном общении, в

политической сфере и т.д. Экологичность языка, по мнению Шаховского, играет большую роль не только для безопасности общества, но и для его ментального и психического здоровья. Ученые понимают все большую опасность, которую представляет «Интернет», переполненный негативной информацией и речевой агрессией, в формировании духовных ценностей у россиян, осознают деструктивное воздействие на сознание населения и имидж страны. Этими проблемами занимаются такие направления, как лингвопрагматика, лингвоконфликтология, лингвокриминалистика, и, появившаяся не так давно, эколингвистика, а также многие другие междисциплинарные направления в лингвистике.

1.2 Конфликтогенный потенциал слова

Из предыдущей главы мы вывели, что речевая агрессия способна приводить к конфликтным ситуациям. Любой конфликт возникает исключительно на базе коммуникативного взаимодействия, при несовпадении намерений, взглядов, мнений коммуникантов. С точки зрения психологии конфликт (от лат. *conflictus* - столкновение) - это столкновение противоречащих друг другу целей, мнений, намерений субъектов взаимодействия, выраженные в жесткой форме. Существует множество толкований данного понятия, однако общим для всех является именно столкновение, противостояние.

Для обозначения явлений, обладающих «потенциальной энергией» конфликта психологи ввели термин «**конфликтоген**» и «**конфликтогенный**» (обладающий свойством конфликтогенности). Так, конфликтоген - это какое-либо действие или его отсутствие, которое способно привести к конфликту. Термин конфликтогенный, в свою очередь, примыкает к тем явлениям, которые способны приводить к конфликтам, например, конфликтогенным фактором называют побудительную силу, приводящую к конфликтной ситуации. А, к примеру, конфликтогенное

решение – это такое решение, которое в определенной ситуации рождает ряд противоречий и создает конфликтные условия и т.д.

По мнению Н.Д. Голева, в языке изначально заложена «склонность» к возникновению речевых конфликтов. Исследователь называет это явление конфликтной природой естественного языка. Причиной конфликтности Н.Д. Голев называет возникновение множественности интерпретаций, которые неизбежно возникают при восприятии высказывания реципиентом. В связи с данным явлением возникает ситуация, когда адресат сказал нечто, вкладывая определенный смысл, а адресат интерпретировал высказывание в субъективном ключе, приписывая фразе дополнительный смысл. Подобное случается ввиду того, что язык сам по себе обладает ограниченным количеством средств выражения для описания действительности, которая содержит в себе бесконечное количество вариантов событий, предметов, чувств, которые не поддаются точному описанию. Результатом этого является омонимия и многозначность слов [Голев, 2011, 299-314].

Еще одной причиной можно считать разность намерений адресата и адресанта, которые имеют отличные друг от друга цели. Более свободно в процессе коммуникации чувствует себя адресат-интерпретатор (слушатель), потому как он волен воспринимать и трактовать полученную информацию по своему усмотрению. Тогда как продуцент (автор) стремится к тому, чтобы его поняли наиболее правильно и адекватно. *В аспекте теории множественности интерпретаций любое высказывание является «свернутой конфликтной ситуацией», которое способно перерасти в речевой конфликт под воздействием определенных экстралингвистических факторов.*

Также исследователь одним из факторов конфликтности называет невозможность абсолютного слияния автора речи и слушателя. Различие в намерениях, психологическом состоянии и фоновых знаниях адресанта и адресата, неспособность «переложить» свои мысли в сознание другого,

делает любой текст потенциальным полем для разворачивания конфликтного сценария.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что конфликтогенность языка может находиться как в области прагматики, так и в области лингвистики. Конфликтогенность слова или выражения имеет двустороннюю природу и может возникнуть как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего.

Высоким конфликтогенным потенциалом обладают следующие категории слов:

- оценочные слова и выражения;
- ненормативная лексика;
- экспрессивная, негативно окрашенная лексика;
- многозначные слова.

На примере экспериментального исследования, проведенного группой ученых из Томского государственного университета, результаты которого опубликованы в статье «Конфликтогенный текст»: когнитивные и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование), можно видеть, что «в сознании информантов существуют определенные дискурсивно обусловленные модели речевого реагирования на конфликтный стимул» [Тубалова, Эмер, Перевалова, 2012, с 33]. Это значит, что сценарий развертывания конфликтного общения или напротив погашение речевого конфликта зависит от уровня конфликтогенности текста-источника (совершенных в адрес кого-либо конфликтных речевых действий) и от его специфики (языкового оформления текста-источника).

В аспекте лингвокриминалистики и юрислингвистики конфликтогенными текстами называют тексты, которые способны спровоцировать конфликты и стать объектом судебной лингвистической экспертизы.

Конфликтогенность, в первую очередь, проявляет себя в инвективной функции языка. На данный момент в связи с развитием такой относительно

новой дисциплины как юрислингвистика, лингвисты активно занимаются изучением инвективы (Жельвис В.И., Голев Н.Д., Баранов А.Н., Бринев К.И., Шарифуллин Б.Я и другие). Инвектива (*invective* – брань, ругательство) – это как правило резкое, обличение, оскорбительное выступление против кого-либо, грубый выпад с целью нанести моральный вред, чаще всего сопровождающийся негативными эмоциями. Инвектива проявляет себя через нарушение общепризнанных моральных и поведенческих норм в конкретном обществе. В.И. Жельвис дает следующее определение инвективе, раскрывая ее в широком и узком смысле: «инвективу в узком смысле слова можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе можно назвать инвективой вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными (запрещенными) средствами» [Жельвис, 2001, с. 13]. Участники инвективного речевого акта соответственно называются инвектор (обидчик) и инвектум (обиженный).

Рассматривая конфликтогенные слова с точки зрения инвективы, нужно отметить, что ни одно слово изначально не является абсолютно оскорбительным или обидным. В.И. Жельвис в своей научной работе «Поле брани» делает попытку объяснить происхождение инвективы, определить место и роль в социуме. Инвектива носит исключительно культурно-обусловленный характер и зависит от правильного понимания высказывания как адресантом, так и адресатом. Конфликтогенная сила инвективного высказывания напрямую зависит от установленных в обществе правил общения, представлений о языковой норме. Главными задачами инвективы исследователь считает:

- эмоциональную разрядку (снятие эмоционального напряжения), когда кто-либо под воздействием сильных эмоций произносит слово, на которое в данном обществе наложено табу;

- понижение социального статуса адресата, что связано с заменой агрессивных физических действий на речевую агрессию [Жельвис, 2001, с. 47-114].

Слова и выражения, обладающие конфликтогенным потенциалом, могут стать фактором нарушения гармоничного общения. Конфликтогенные факторы в языке могут приводить к различного рода коммуникативным неудачам, коммуникативным провалам, а также речевым конфликтам.

В следующем параграфе мы более детально рассмотрим языковые и прагматические факторы, которые приводят к нарушению гармоничного, эффективного общения.

1.3. Языковые и прагматические факторы, нарушающие эффективное общение

Изучением речевых конфликтов подробно занимаются лингвоконфликтология и лингвопрагматика. С точки зрения лингвоконфликтологии речевой конфликт определяется противодействием двух или более коммуникантов, взаимодействующих в одном коммуникативном пространстве, обусловленном различными экстралингвистическими факторами. Лингвопрагматика тесно связана с лингвоконфликтологией, потому как изучает функциональную сторону языка и языковые единицы в области их непосредственного применения, т.е. учитывая все экстралингвистические факторы при выборе языковых средств языковой личностью.

Центром лингвопрагматики является теория речевых актов, основателями которой были английский ученый Дж. Остин и его последователь Дж. Серль. Они положили начало исследованиям о слове, как о действии, когда посредством речи (высказывания) человек совершает какое-либо действие. В сферу интересов ученых входило повседневное общение, цели и намерения говорящих, а также результаты, получаемые в

результате речевых действий. Согласно теории речевых актов, высказывание, как минимальная единица речи, имеет трехфазную структуру:

Первая фаза – **локуции**, в которой говорящий формирует свое намерение.

Вторая фаза – **иллокуции**, которая по сути является реализацией намерения и произнесением высказывания.

Третья фаза – **перлокуции** или перлокутивный эффект, который наступает после высказывания и представляет собой реакцию на высказывание у собеседника.

Одним из основных понятий теории речевых актов является **коммуникативный акт**, которое включает в себя основные компоненты, дающие точное представление о ситуации общения.

Согласно модели Р.О. Якобсона, структура коммуникативного акта содержит в себе как минимум шесть компонентов: адресант, адресат, сообщение, контекст, контакт и код [Цит. по: Третьякова, 2009, с. 36]. Сообщение (или иначе информация), которое заключено в определенный код (какую-либо форму выражения), отправляется от адресанта к адресату, которые находятся в определенном контексте, по какому-либо каналу связи (физическая или психологическая связь). При «прочтении» кода, адресату необходимо декодировать сообщение и предпринять ответные действия.

Б.Ю. Городецким была разработана схема коммуникативного акта, включающая в себя следующие компоненты:

- 1) коммуниканты;
- 2) коммуникативный текст (речевые действия, совершаемые коммуникантами);
- 3) процессы вербализации и понимания;
- 4) условия общения;
- 5) коммуникативные и практические цели;
- 6) результат общения [Цит. по: Гулакова, 2001, электронный ресурс].

На основе модели коммуникативного акта Р.О. Якобсона исследователем К.И. Бриневым был разработан анализ конфликтного речевого акта, связанный с выявлением инвективы. По мнению ученых конфликтное речевое взаимодействие может иметь три пути развития, которые определяются намерением адресанта:

1. Причинение морального ущерба инвектуму (адресату). Такой тип высказываний реализуется через брань и оскорбления.
2. Утверждение своего превосходства над инвектумом. Данный речевой акт находит выражение в оценочной лексике со знаком минус по отношению к получателю сообщения.
3. Использование инвективы (обидной, оскорбительной речи) с целью манипуляции адресатом [Бринев, 2009, с. 95-102].

Для анализа конфликтных речевых актов Т.И. Чернышовой была предложена следующая схема:

- 1) участники конфликтной ситуации: «инвектор» и «инвектум», с учетом количества участников и социального статуса участников конфликта;
- 2) форма передачи сообщения (устная или письменная);
- 3) контекст конфликтной ситуации, учитывающий причину возникновения речевого конфликта, фоновую информацию, предмет и причину разногласий;
- 4) характер конфликтного взаимодействия (контакт), учитывающий отношения между конфликтующими, особенности коммуникативного развития конфликта т.д;
- 5) языковой код, провоцирующий переход конфликтной ситуации в конфликтное общение (наличие ненормативной лексики, нарушение этикетных и моральных норм и т.п.).

Коммуникативный акт включает в себя совокупность речевых актов, совершаемых говорящими по направлению друг другу. «Таким образом, диалог как обмен речевыми актами и есть коммуникативный акт, рассматриваемый с точки зрения взаимодействия коммуникантов в движении

друг к другу» [Третьякова, 2009, с. 36] Опираясь на этот вывод, мы считаем, что приведенный выше анализ, актуальный для практики лингвистической экспертизы, может быть использован для анализа конфликтных ситуаций в пьесах, потому как преследует созвучную нам цель - выявить структуру конфликтного взаимодействия.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению понятия конфликтного речевого общения, необходимо рассмотреть понятие **коммуникативной неудачи**. Этот термин чаще всего используется исследователями для обозначения сбоев в ходе коммуникации. Коммуникативная неудача связана с неумением или невозможностью партнера по коммуникации понять или донести смысл высказывания. При этом перлокутивный эффект обоими участниками коммуникации не достигается. Коммуникативные неудачи достаточно частое явление. Как нами уже было отмечено, язык изначально имеет в себе заложенный конфликтогенный потенциал, что может привести к коммуникативным неудачам. Н.И. Формановская делит причины возникновения коммуникативных неудач на две группы:

1. Экстралингвистические – определяющиеся факторами, не имеющими отношения к языку. К ним относят:
 - возраст и пол коммуникантов;
 - индивидуальные психологические особенности коммуникантов (различия в картинах мира, темперамент);
 - неверное понимание интенции говорящего;
 - внешние помехи (перебои в связи);
 - физиологические (слишком быстрый темп речи, плохая дикция и т.д.)и др.
2. Лингвистические – то есть собственно языковые, к которым можно отнести:
 - многозначность языковых единиц;
 - множественность интерпретации, заложенная в языке;

- разного рода неточности в понимании: грамматических средств, неточное указание на денотат, неточная референциальная отнесенность;
- нарушение стилистических норм;
- слова, неизвестные собеседнику и др. [Формановская, 2002, с. 169-174].

Коммуникативные неудачи далеко не всегда приводят к полному непониманию всего дискурса или возникновению речевого конфликта. Часто сбои ликвидируются в процессе речевого взаимодействия путем уточнений, разъяснений и других дополнительных речевых действий, направленных на помощь в выполнении коммуникативного намерения говорящего. Однако не вызывает сомнений, что коммуникативные неудачи приводят к нарушению гармоничного общения и имеют большой потенциал для перерождения в речевые конфликты.

Конфликтный коммуникативный акт по мнению В.С. Третьяковой состоит из следующих компонентов (в соотношении с моделью Якобсона):

1. Личность отправителя информации и личность получателя информации (с их установками, взглядами, целями), что обуславливает наличие сразу нескольких речевых жанров внутри коммуникативного акта: уговор и отказ, вопрос и ответ, ссора и примирение и т.д.
2. Речевой код, куда входят языковые средства адресата и адресанта, а также невербальные компоненты, такие как мимика, дикция, интонация и т.д.
3. Последствия коммуникативного акта [Третьякова, 2009, с. 36-38].

Несовпадения и разногласия могут возникнуть на любом уровне составляющих коммуникативного акта. Завершением коммуникативного акта может считаться прекращение коммуникации, итогом которого происходит достижение или не достижение коммуникативного намерения сторон.

Наиболее полно, на наш взгляд, понятие **речевого конфликта** раскрывается у В.С. Третьяковой, она дает следующее определение:

«Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрёка, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п. Речевые действия субъекта определяют речевое поведение адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету разногласия или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт» [Третьякова, 2013, с. 281].

Как всякий речевой акт, речевой конфликт необходимо рассматривать как динамический процесс, имеющий развитие и состоящий из нескольких основных компонентов: адресант, адресат и некое противоречие между ними, которое включает высказывание и последующую реакцию на него. В структуре речевого конфликта можно выделить несколько стадий: назревание, созревание, пик, спад и разрешение [Якубович, 2011, с. 1].

Назревание речевого конфликта происходит в некоммунитивной фазе, в стадии локуции, он определяется психологическим состоянием коммуникантов, их установками, внешними событиями и т.д. В коммуникативную фазу конфликт переходит в том случае, если участниками предпринимаются речевые действия, направленные на собеседника и имеющие цель выявить намерения, позицию своего противника.

Созревание речевого конфликта происходит в коммуникативной фазе, когда четко проявились противоречия между противниками и обе стороны предприняли направленные действия друг против друга с целью нанесения ущерба. Этот этап можно отнести к стадии иллокуции.

Пик речевого конфликта наступает в тот момент, когда обе стороны используют в адрес друг друга конфликтные языковые средства, такие как угроза, оскорбление, сарказм и т.д.

Разрешение речевого конфликта происходит в момент прекращения коммуникации и предполагает не только положительный исход в форме

договоренности или примирения. Разрешением конфликта можно считать уход от взаимодействия, смену темы и т.д. При разрешении наступает перлокутивный эффект, в ходе которого коммуникативные достигают или не достигают поставленных целей.

Среди **механизмов возникновения** конфликта В.С. Третьякова называет:

- существенные разногласия в намерениях конфликтующих сторон;
- разность фоновых знаний сторон;
- разница в объеме и структуре языка (кода);
- чрезмерное вербальное воздействие на адресата;
- слова, наносящие моральный ущерб адресату;
- нарушение норм общения;
- использование вербальных и нелингвистических средств, нацеленных на оскорбление и унижение собеседника (инвективная стратегия, тактика угрозы, агрессивная жестикуляция и т.д.) [Третьякова, 2013, с. 37-45].

В.С. Третьякова приводит классификацию **языковых средств**, обладающих конфликтогенным потенциалом:

- многозначные слова, неразвернутые в контексте омонимы;
- инвективная и ненормативная лексика;
- слова, неизвестные собеседнику;
- слова, несущие в себе негативную оценочную лексику [Третьякова, 2013, с. 99-108].

К грамматическим факторам конфликтного коммуникативного акта В.С. Третьякова относит:

- местоимения второго лица (ты-/Вы-формы). Так форма «ты» будет направлена к родным и близким людям, тем, кто состоит с адресантом в доверительных отношениях, а также к младшим по возрасту или по социальному положению. Форма «Вы» обязывает держать дистанцию, является уважительно формой обращения. Однако и та и другая формы могут в контексте приобретать негативный оттенок. Так, например, неуместное

употребление «ты» в ходе ссоры приобретает хамский оттенок. «Вы» форма, использованная в грубом контексте, становится выражением пренебрежения, демонстрирует желание говорящего отстраниться. Неграмотные переходы из одной формы в другую могут привести к речевому конфликту или усугубить его;

- глагольные формы второго лица, выбор которых имеет под собой этикетное основание. Форма глагола зависит во многом от выбора ты- или Вы-формы обращения. Так в при официальном общении предложение будет строиться следующим образом: *Вы* выходите, *Вы* обращаетесь, а в разговоре с близким человеком: *ты* выходишь, *ты* обращаешься. Конфликтная ситуация может возникнуть в тех же случаях нарушения этикетных норм как при употреблении ты-/Вы-форм;

- глагольные формы второго лица, употребляемые относительно человека, находящегося в этот момент рядом (он, его, она, ей и т.д.);

- императивы совершенного вида также обладают высоким конфликтогенным потенциалом;

- определенные синтаксические конструкции в несвойственных им денотативных значениях;

- частицы, вводные слова (дискурсивные единицы) [Третьякова, 2013, с. 114-121].

О.В. Крамкова добавляет в этот перечень жаргонизмы, сленг, арго и другие слова, вынесенные за норму литературного языка и несущие в себе экспрессию. Данные языковые единицы понижают стиль общения и способны привести к унижению самооценки как адресанта, так и адресата. Сюда же можно отнести лексику, которая имеет негативные или неэтичные ассоциации, а также отрицательные конструкции.

Помимо языковых факторов, явно маркирующих конфликтный коммуникативный акт, существуют факторы, которые можно вычислить только при сопоставлении речевого акта с контекстом общения и при анализе того эмоционального эффекта, который достигается в ходе общения. Это

прагматические факторы речевого конфликта, к которым относятся различного рода несовпадения и нарушения, совершенные участниками коммуникативного акта. По сути к конфликтному общению приводят нарушения речевого этикета и норм общения, традиционно принятых в данном обществе.

О.В. Крамкова перечисляет следующие прагматические факторы способные повлиять на ход коммуникативного акта:

- социальный статус (возраст, пол и т.д.);
- задачи и цели коммуникантов;
- условия общения, место, время и другие параметры;
- распределение социальных ролей между коммуникантами [Крамкова, 2011, с. 333].

Согласно классификации О.В Крамковой, конфликтогенным потенциалом обладают следующие прагматические факторы:

- игнорирование возрастных характеристик (неуместное употребление ты-формы к человеку старшего возраста, употребление жаргонизмов и сленгизмов в обращении к старшему человеку);
- пренебрежение статусными различиями (употребление фамильярной лексики в обращении к начальнику);
- несоответствие содержания беседы ее виду (переход из официальной беседы на дружескую);
- несоответствие содержания беседы и времени/места (если на похоронах начать говорить о каком-либо празднике);
- несоответствие речевых действий условиям беседы (слишком долгий разговор по телефону с кем-либо при доверительной беседе);
- неверное понимание ролевых позиций в речевом акте (похвала сотруднику, находящемуся намного выше рангом, при неимении дружеских отношений) [Крамкова, 2011, с. 334].

В.С. Третьякова к лингвопрагматическим факторам возникновения речевых конфликтов относит:

- различие в словарном запасе коммуникантов (объем кода, фоновые знания);
- различие в ассоциативных рядах говорящего и слушающего;
- нарушение стереотипных связей между категориями смыслов [Цит. по: Ермакова, с. 55-60];
- игнорирование одним из коммуникантов при употреблении слова его прагматического компонента;
- разница эмоциональных оценок языковых знаков среди всех говорящих и т.д. [Третьякова, 2013, с. 121-139].

В качестве прагматического фактора, влияющего на успех или неудачу коммуникации, В.С. Третьякова выделяет единственный фактор - ориентация или отсутствие ориентации на собеседника. Остальные прагматические факторы, такие как внимание\невнимание коммуникантов к предмету речи, она считает частными случаями основного фактора, указанного выше.

К психолого-прагматическим факторам В.С. Третьякова относит:

- отношения между коммуникантами;
- готовность\неготовность коммуникантов говорить\слушать;
- интенсивность ведения речевого общения;
- специфика восприятия коммуникантами контекста общения;
- индивидуальные психологические особенности коммуникантов [Третьякова, 2013, с. 53-54].

Также большую роль играют психофизиологические особенности коммуникантов: темп речи, дикция, громкость голоса, акцент и т.д.

При разборе речевого конфликта невозможно не учитывать социально-прагматические факторы:

- исторически сложившиеся социокультурные особенности общества, к которому принадлежат коммуниканты;
- ценности, распространенные на данный момент в обществе;
- принадлежность коммуникантов к определенной национальности;

- социальный статус коммуникантов и их профессиональную принадлежность.

Речевой конфликт может возникнуть из-за нарушения одним из участников коммуникации принятых в данном обществе традиционных структур общения. В когнитивной лингвистике существует понятие **фрейма** – стереотипной ситуации, в рамках которой происходит общение, а также **сценария** – варианта развития этой стереотипной ситуации с социально обобщенным содержанием, определенными прагматическими структурами и языковыми средствами, закрепленными в лингвистическом сознании общества. При восприятии какого-либо знака или, например, слова, в сознании реципиента появляются определенные ассоциации, которые помогают ему определить услышанное и соотнести его с теми словами, которые он уже когда-либо слышал. Эти понятийные структуры называются **слотами**. Из слота или слотов в последствии складывается фрейм. Фреймы и сценарии основываются на ожидании коммуниканта предсказуемых поведенческих и речевых действий от своего партнера в определенной ситуации. Несоответствие ожиданиям и нарушение стереотипа приводит к подмене ожидаемой реакции и может стать причиной конфликта. Приведем пример: фрейм «свадьба» содержит такие компоненты как «поздравление молодых», «подарки», «гости», «время» (фиксированный день и час). Если какой-либо гость желает жениху и невесте несчастливой семейной жизни или молодые опаздывают на роспись, то это является нарушением традиционных представлений о фрейме «свадьба» и нарушает представление сторон о должном положении вещей, вызывает подмену коммуникативных ожиданий. Подобные ситуации могут вызвать негативную реакцию одной из сторон в виде упреков, осуждения, намеков и вызвать негативные эмоции: обиду, раздражение и т.д., а также привести к конфликту.

В основу всякого речевого акта заложены цели участников общения. Общение - это динамический процесс, который имеет начало и конец, а путь

его развития задается речевыми **стратегиями** и **тактиками**, которые выбираются каждым участником коммуникативного акта.

Стратегия с точки зрения лингвопрагматики включает в себя общие цели, намерения и ожидания, которые подразумевают участники общения. Тактиками же называются определенные речевые приемы и ходы, посредством которых достигаются эти цели. Существует множество стратегий и тактик, их применение зависит от ситуации, в которой происходит общение, и целей коммуникантов. Прослеживается зависимость коммуникативных компетенций говорящего, заключающаяся в его умении использовать языковые средства и правила коммуникации, и количества, качества выбранных им стратегий и тактик, а значит и более успешное достижение им поставленных целей.

Выбор стратегии тесно связан с установками коммуникантов, они могут быть кооперативными или конфликтными. В соответствии с установками исследователи (Н.И. Формановская, В.С. Третьякова) выделяют два основных типа стратегий – кооперативная, построенная с соблюдением коммуникативной нормы, и конфликтная (не кооперативная), построенная с нарушением коммуникативной нормы. Тип стратегии определяется по последствиям коммуникативного акта.

Успешность коммуникации зависит от общности стратегий и тактик, выбранными коммуникантами и от слаженности взаимного влияния собеседников друг на друга, но такая ситуация вряд ли возможна при условии наличия «прагматики адресанта» и «прагматики адресата», включающая каждая свои установки и особенности.

Вероятность идеального взаимодействия на деле равна нулю, потому как несовпадение интерпретаций смыслов высказывания заложено природой языка. В ходе общения адресант и адресат меняются ролями и в определенный момент в качестве интерпретатора должен выступить каждый участник коммуникативного акта. Так говорящему необходимо следить за тем, чтобы его собеседник адекватно воспринял информацию и намерения

высказывания, учитывая пол, возрастные особенности, образование получателя сообщения. И между тем должен сам воспринять информацию и понять намерения собеседника, учитывая те же особенности и все сложности в передаче, которые могут возникнуть. В идеале оба коммуниканта должны стремиться к гармоничному общению. Такая установка называется кооперативной.

Кооперативные стратегии включают в себя такой тип речевого поведения, который направлен на гармонизацию общения. Гармоничное общение предполагает удовлетворение всех участников коммуникации в результате речевых действий и достижение коммуникативных целей каждой из сторон. Кооперативное поведение ориентировано на партнера по коммуникации и имеет цель развития сотрудничества между сторонами. В рамках лингвопрагматики были разработаны средства, постулаты и правила кооперативного общения. Так, Н.И. Формановская выводит тринадцать правил эффективного речевого поведения:

1. Ориентировка на собеседника (в его мире знаний, социальных и психологических ролях, его мнениях и т.д.)
2. Доверие к собеседнику, сотрудничество с ним;
3. Внимание к собеседнику (к его авторитету, статусу и к его коммуникативным намерениям)
4. Учет резонанса в общении (на согласие получаем согласие и наоборот);
5. Соблюдение вежливости и правил речевого этикета;
6. Оптимальное воздействие на собеседника;
7. Обоснованность речевого поведения (с точки зрения составляющих коммуникативной ситуации);
8. Возможность выбора речевого поведения и смены стратегий и тактик по ходу общения;
9. Наличие в компетенции общающихся представлений о вариантах речевого поведения;

10. Наличие представления о гибкости моделей речевого поведения (переключение кода, стиля, темы и т.д.);
11. Владение вариативностью языковых/речевых средств;
12. Представление о стандартизации, стереотипизации речевого поведения и владение стереотипами стилей, жанров, речевых средств;
13. Представление о сценарности общения: схемы, сценарии, фреймы в ситуациях и владение их использованием. [Формановская, 2002, с. 58].

Нарушение одного или нескольких постулатов кооперативного общения, могут привести к негативным эмоциям со стороны собеседника, а также привести к возникновению коммуникативных неудач и речевых конфликтов.

Некооперативные или конфликтные стратегии деструктивны, на их основе не могут быть достигнуты положительные результаты. К.Ф. Седов выделяет следующие конфликтные стратегии:

- инвективная стратегия, причиной проявления которой служат эмоциональные реакции участников коммуникации;
- куртуазная стратегия, когда адресант стремится к этикетным формам общения;
- рационально-эвристическая стратегия, при использовании которой коммуниканты придерживаются принципов здравомыслия и рассудочности [Седов, электронный ресурс].

В.С. Третьякова среди конфронтационных стратегий выделяет стратегии:

- дискредитация, цель которой заключается в осмеянии и унижении противника. Адресат намеренно озвучивает такие факты или мнения о своем собеседнике, которые свидетельствуют о негативных оценках адресата и подрывают его авторитет. Для такой стратегии типичны обвинения, оскорбление, издевка и т.д;

- подчинение может реализовываться субъектом речи по средствам как негативных, так и позитивных действий с целью повлиять на партнера, чтобы собеседник действовал в его интересах. Стратегия подчинения выражается в проявлении власти говорящего, тип реализации ее неравноправный. В данную стратегию могут входить такие тактики как угроза, запугивание, упреки, обвинения, а также лесть, призыв к чувству долга и т.д. Возникновение после применения стратегии подчинения чувства обиды, досады или фрустрации свидетельствуют о коммуникативной неудаче;

- захвата инициативы и контроля за ситуацией - выражается в неравноправном влиянии коммуникантов на ход общения, выбора тем и распределением ролей в пользу одного из участников. Говорящий занимает доминирующее положение в разговоре, отслеживает и контролирует кто и о чем говорит, руководя ходом общения. Данная стратегия ограничивает свободу собеседников, не позволяет им осуществить собственные коммуникативные намерения.

К конфронтационным стратегиям В.С. Третьякова относит также стратегию насилия, агрессии, разоблачения, принуждения, соперничества, инвективную стратегию, противопоставления собственных интересов интересам собеседника и т.д. [Третьякова, 2013, с. 80]

Эти классификации достаточно общие. Перечисление всех речевых стратегий представляет несколько затруднительную задачу, потому при определении речевых стратегий мы будем ориентироваться на конкретную ситуацию общения и намерения говорящего.

К.Ф. Седов дает классификацию тактик конфликтного общения:

- отсыл чаще всего происходит с применением обценной лексики, нарушением табу;

- грубое прерывания коммуникативного контакта выражается в грубом высказывании в адрес собеседника с намерением прервать разговор, заставить замолчать;

- констатация некомпетентности выражается в обидном замечании в адрес кого-либо по поводу его способностей (бытовых, профессиональных и т.д.);

- возмущение обычно проявляется в неодобрительной оценке в адрес собеседника;

- насмешка чаще всего выражается в иронии, осмеянии собеседника;

- колкость – тоже, что и насмешка, но имеет в своей основе намек;

- упрек может быть выражен в негативной оценке поступков кого-либо;

- обвинение разновидность упрека, но негативная оценка обычно сильнее выражена;

- демонстрация обиды выражается в осуждении речевых действий кого-либо;

- молчание соответственно выражено в нежелании взаимодействовать, но причины могут быть различными: упрек, демонстрация обиды и т.д.;

- угроза выражается в запугивании адресата с целью навязывания своей воли;

- оскорбление направлено на унижение чести и достоинства адресата, выражается чаще всего в употреблении инвективных слов и выражений;

- злопожелания и проклятье восходят к субжанру инвективы [Седов, 2016, с. 94-96].

Как мы видим речевые тактики тесно связаны с типами речевой агрессии по классификации Ю.В. Щербининой.

Важно понимать, что лингвистический и прагматические аспекты находятся в очень тесном взаимодействии. Так какие-либо нарушения в коде (языке) адресанта могут привести к возникновению психологического дискомфорта со стороны адресата и вызвать со стороны второго защитные агрессивные действия. И наоборот, внутреннее состояние говорящего влияет на выбор им тех или иных лингвистических средств, для выражения своего внутреннего состояния и, к примеру, неверная интерпретация намерений собеседника ввиду его неустойчивого психологического состояния, может

привести к выбору им лексики с негативным значением, что в свою очередь может создать конфликтную ситуацию.

Выводы по первой главе

1. Агрессия является естественным проявлением эмоций в социуме. Причинами возникновения агрессии можно считать биологические, психологические, социальные, политические, социальные факторы. Проявлением угрозы можно считать поведение, причиняющее вред живому существу, не желающему такого обращения. Агрессия имеет как положительные, так и отрицательные стороны.
2. Речевая агрессия является проблемой в современном обществе, требующей решения. Речевая агрессия направлена на нанесение оппоненту «эмоционального удара», причинение вреда. Часто речевая агрессия является вербальным проявлением эмоциональной разрядки. Речевая агрессия создает ряд проблем в процессе коммуникации. Одним из основных источников речевой агрессии исследователи называют СМИ.
3. Естественный язык изначально содержит в себе конфликтогенный потенциал ввиду возникновения множественности интерпретаций языкового знака в ходе коммуникации, невозможности полного слияния сознаний коммуникантов, разности коммуникативных намерений адресата и адресанта. Высоким конфликтогенным потенциалом обладают: оценочные слова и выражения, ненормативная лексика, негативно окрашенная лексика, многозначные слова.
4. К лингвопрагматическим конфликтогенным факторам исследователи относят: многозначные слова, ненормативную и инвективную лексику, слова неизвестные собеседнику, негативно оценочные слова, некорректно использованные ты-/Вы-формы, императивы совершенного вида, частицы и вводные слова, отрицательные конструкции, игнорирование возрастных ограничений, различие в

фоновых знаниях, конфликтные речевые стратегии (инвективная стратегия, дискредитации, ухода от взаимодействия, подчинения) и тактики (отсыла, обвинения, оскорбление, грубого прерывания контакта, грубого отказа, порицания), нарушение правил эффективного общения и этикетных норм.

ГЛАВА 2. КОНФЛИКТОГЕНЫ В ПЬЕСАХ СОВРЕМЕННЫХ ДРАМАТУРГОВ

2.1 Специфика конфликта современной драмы

На формирование эстетических и нравственных установок личности влияет прежде всего социокультурная среда, которая формируется под влиянием природных особенностей местности, исторических событий, политических и социальных изменений и т.д. Культура и искусство являются своеобразными посредниками между идеологической установкой, которую определяет государство, и населением страны. Они создают ценностные ориентиры, которые позволяют личности лучше понять свою историю, свое место в жизни, обрести смыслы, а также лучше понять, какой мир окружает человека в данный момент и как с ним можно взаимодействовать. Все вышеперечисленные задачи наиболее емко выполняет театр.

В работе Маршала Маклюэна «Понимание медиа» средства масс-медиа определяются не только как средства массовой информации, но как все, что человек изобрел для «расширения» своего тела и нервной системы. Медиа делятся на холодные и горячие. Так радио, телефон и книга относятся к холодным медиа, потому что они позволяют человеку включаться в процесс посредством воображения. Телевидение и театр относятся к горячим медиа, потому что как «выключают» человека из процесса, оставляют возможность только к восприятию уже готового продукта.

Исходя из этого мы понимаем, что возможности театра по воздействию на зрителя безграничны. Во время просмотра театрального действия, зритель полностью оказывается погруженным в происходящее на сцене, где все создается специально для того, чтобы создать единый и гармоничный мир, спрятать «швы», выдающие присутствие реальности.

В театр человек приходит для того, чтобы воочию переживать вместе с героями опасности, ошибки и всевозможные трудности, при этом находясь

на безопасном расстоянии и в полной уверенности, что ему в этот момент ничего не угрожает.

Современный театр претерпевает в данный момент радикальные изменения. Происходит смена репертуара, способ подачи, технические возможности театров. С недавних пор само представление о театре, как об элитарном заведении, обслуживающем благополучные слои населения, сильно пошатнулось. Появление театров, существующих за счет собственных средств, располагающихся в подвалах, студиях и создающих декорации из подручных средств, стало далеко не редкостью. Возникло множество новых форм и видов театрального представления. Таких, например, как вербатим или документальный театр, в котором пьесы построены на основе реальных диалогов, либо вовсе являются стенограммой речи реальных людей.

Современная драматургия в данный момент постоянно пополняется новыми именами. В начале этого века образовались всевозможные драматургические школы и направления. Екатеринбургская драматическая школа под управлением Н. Коляды, тольяттинская школа, основателем которой был В. Леванов и т.д. Ученики этих школ самостоятельно открывают фестивали новой драматургии, где каждый год участвует множество молодых драматургов со всей страны.

В Тольятти существуют фестивали и конкурсы современной драматургии, по итогам которых на сцену к массовому зрителю выходят самые лучшие постановки. Несколько лет назад в городе возобновились читки пьес молодых драматургов на фестивале «Любимовка – Тольятти», а также началось возрождение центра современной драматургии на ул. Голосова, 20.

Исследователи называют современную драматургию рубежа 20-21 веков «новой драмой» или «новой-новой драмой», что отсылает к периоду возникновения «новой драмы» в конце 19 и начале 20 веков, которая возникла в момент духовного кризиса и ухода от старой эстетики.

Постепенно «новая новая драма» находит место в репертуаре театров, конечно, чаще на московских сценах, чем на провинциальных.

Т. Журчева отмечает, что «лучшие пьесы и лучшие спектакли «новой драмы» - кувалда, которой бьют по головам, чтобы головы начали, наконец, хоть как-то работать» [Журчева, 2011, с. 79]. Изменение эстетики современной драматургии прежде всего наблюдается в ее склонности эпатировать публику. *Драматурги намеренно используют приемы, имеющие повышенную экспрессию.* Это касается как формы, так и содержания пьес. Из основных отличительных черт новейшей драмы исследователи называют:

- обостренная реакция на современность;
- склонность к эпатажу;
- неразрешимость конфликта;
- диалогичность с классическими произведениями.

Изменились также задачи театров. Так в Москве существует Театр.doc, на сцене которого ставятся пьесы исключительно документальные. Чаще всего это пьесы, затрагивающие политические темы. На сцене театра проходят такие постановки, как «Допрос Петра Павленского. Пьеса в трех действиях». В основу текста пьесы легли реальные диалоги Петра Павленского и следователя во время допроса в Следственном комитете. В основу пьесы «Дневник майдана» положены интервью участников событий в Украине и их родственников. В этом случае театр становится площадкой для мгновенной рефлексии на происходящие вокруг события, для художественного осмысления реальной жизни.

Т. Шахматова отмечает, что новейшая драма часто выступала объектом исследования социологов и документалистов по той причине, что современные драматурги намеренно отбирают типичные черты нашего времени, производят отбор лексических и поведенческих стереотипов поколения. «Социокультурные роли и клише современности – «душа новой драмы» [Шахматова, 2009, с. 29]. Данное утверждение позволило нам всерьез рассматривать современную драматургию в качестве материала для анализа с

точки зрения лингвопрагматики. Современные пьесы, на наш взгляд, могут стать подходящей площадкой для моделирования ситуаций конфликтного общения и их разбора.

Основная концепция новейшей драмы заключается в том, что научить писать пьесы можно каждого. Исследователь М.И. Сизова в своей статье «Новая драма: история и география» пишет, что «НД (новая драма) с самого начала позиционировала себя как «движение», которое активно ищет и вбирает в себя все новые и новые имена – чаще всего непрофессиональных авторов, которые пишут пьесы и придерживаются социальной тематики» [Сизова, 2016, с. 7]. В качестве драматургов часто выступают люди из разных слоев населения, иногда не имеющие специального филологического или литературного образования, опирающиеся при написании пьес на свой жизненный опыт. Часто персонажами пьес выступают наркоманы, лица без определенного места жительства, преступники, подростки из неблагополучных семей и т.д. Можно заключить, что новейшая драма является своеобразным «сборником» самых острых и актуальных речевых конфликтов, происходящих в современном обществе.

Конфликт в литературе имеет центральное значение, он является неотъемлемой составляющей всякого литературного произведения. Особенно важную роль конфликт в драме, как роде литературы. Гегель отмечал, что действие драмы не должно проходить спокойно и размеренно, оно должно сталкиваться с противостояниями и противоречиями, которые порождают действия и реакции. Конфликт Гегель называет главным двигателем драмы, которая посредством своего движения приходит в итоге к примирению.

Главной особенностью новейшей драмы является специфический конфликт, который претерпел, вероятно, наиболее сильные изменения в сравнении с классической драмой, основные принципы которой обозначены Гегелем: «порядок-хаос-порядок». Конфликт в новейшей драме не предполагает какого-либо решения, а остается на стадии демонстрации

ситуации. Показательным является популярный среди драматургов прием возвращения действия на исходную точку. Противоречия между персонажами, между героем и миром, социумом, остаются нерешенными. О. Журчева объясняет, чем обуславливается эта специфика:

- деформация художественного слова в пьесе. Речь персонажей становится монологичной, недейственной, полной долгих и отвлеченных рассуждений (например, в пьесе В. Леванова «Отель Калифорния»);

- многофункциональность автора, который в одно и тоже время присутствует и присутствует в пьесе;

- многим пьесам свойственна смерть сюжета, потому как тексты новейшей драмы часто являются только самовыражением автора и его переживаний [Журчева, 2009, с. 18-27].

Деформация конфликта стала прямым следствием изменения речи персонажей. Диалоги являются основой драматургического дискурса. Динамика пьесы зависит от действия, которое продвигают диалоги (слово в драме приравнивается к поступку). Речь персонажей в новейшей драме претерпела ряд изменений. Она стала более монологичной, что привело к упразднению коммуникативной функции диалога. Наряду с тяготением к монологичности и потере семантической наполненности, диалоги героев стали ориентированы на живую разговорную речь. Отражая в своих произведениях реалии современности, драматурги невольно фиксируют речь, звучащую вокруг них, фиксируя при этом все языковые средства, наиболее употребительные в обществе. *В речь персонажей проникают просторечные формы, сленгизмы, вульгаризмы, ненормативная лексика.* Это также связано с желанием шокировать, спровоцировать зрителя и, в тоже время, стать к нему ближе.

Итак, выбор нами современной драмы в качестве материала для проведения исследований в аспекте лингвопрагматики обусловлен несколькими факторами. Язык современной драмы, безусловно, не является абсолютно точным отображением естественной, повседневной речи, которая

является первичной по отношению ко всем другим речевым произведениям. Но у исследователей далеко не всегда есть возможность получить стенограмму аутентичных диалогов людей в определенных коммуникативных ситуациях. По мнению исследователя Г.Харрас, в драме, в отличие от реального диалога, можно выделить цель, оценку состояния, норму, средства воздействия коммуникантов друг на друга. Поведение персонажей в драме, по ее утверждению, не сильно отличается от поведения реальных людей. Но текст пьесы, воспроизводя определенные, в нашем случае конфликтные ситуации, способен дать информацию о возрасте персонажей, их гендерной принадлежности, социальном статусе, взаимоотношениях до конфликтной коммуникативной ситуации, отследить реакции. Эти данные часто нельзя получить об участниках в ситуациях непосредственного общения.

2.2 Лингвопрагматические средства создания речевых конфликтов в пьесах современных драматургов: лексика, речевые стратегии и тактики

В данном параграфе мы рассмотрим пьесы современных драматургов с точки зрения конфликтной лексики (ты-/Вы- формы, ненормативная лексика, дискурсивные слова, негативно оценочная лексика и т.д), а также конфликтных стратегий (инвективная стратегия, стратегия подчинения и т.д) и тактик (угрозы, оскорбления, порицания и т.д.). Также нами будет проанализирован тип речевой агрессии, причины возникновения коммуникативных неудач. Для анализа нами будут использованы классификации языковых и прагматических конфликтных средств В.С. Третьяковой, В.Н. Формановской, Ю.В. Щербининой, приведенные в первой главе. Для разбора диалогов нами будет использована модель конфликтного коммуникативного акта Б.Ю. Городецкого, К.И. Бринева.

Рассмотрим фрагмент из пьесы современного драматурга Ю. Клавдиева, чьи пьесы имеют острую социальную тематику. Для выявления

экстралингвистических факторов рассмотрим участников речевого конфликта и ситуацию общения по модели Гродецкого.

Участниками коммуникативного акта являются две девушки Маша и Юля и молодой человек Олег, возраст которых определяется за двадцать лет. Девушки находятся в промышленной зоне города, куда они пришли специально, чтобы воплотить в жизнь план, в ходе которого они должны умереть, но перед этим девушки хотят «повеселиться» и сделать нечто негативное. На пути им встречаются молодые люди, с которыми они намерено вступают в конфликт¹. Таким образом назревание конфликта происходит в докоммуникативной фазе, в момент решения девушек «искать опасные приключения». Данная ситуация входит в фрейм «знакомство» и включает в сознании представителей современного общества такие составляющие как «приветствие», «представление участников», «доброжелательность». Олег совершает речевые действия в рамках этого фрейма, используя этикетное слово «привет» и обращение «девчѐнки», что вполне уместно, учитывая приблизительно одну возрастную категорию сторон (около двадцати лет). Все это указывает на расположение молодых людей к Маше и Юле, в их намерениях не угадывается агрессия. В ответ Юля использует речевую агрессию в форме грубого прерывания контакта. Таким

¹ *Олег. Привет, девчѐнки!*

Юля. Привет! И на х.й пошли!

Олег. Нормально... а что так грубо? А?

Маша. (Вполголоса). Юля, валим отсюда.

Юля. На фигу? Спокойно, Маш... Чего, непонятно? Пиз...те дальше, нам некогда! У нас разговор важный!

Маша. Пи...ц нам настал. Юля. Всѐ. Жопа.

Юля. Да с чего ты взяла, Машк? Спокойно...

Олег. А у нас тоже разговор. И тоже важный. Вот с тобой, прикинь, подруга? Что? Что делать будем, а? А, я спрашиваю?

Олег подходит, берѐт Юлю за лицо. Та пытается ударить его коленом в пах. Но он легко уклоняется и бьѐт её в живот.

образом, в данной ситуации инвектором выступает Юля. Она использует этикетное слово «привет» и наряду с ним инвективу «на х.й пошли!». Через инвективу Маша реализует речевую стратегию агрессии с тактикой отсыла (классификация К.Ф. Седова): «И на х.й пошли!», «Пи...те дальше, нам некогда!», также тактику грубого отказа «У нас разговор важный!», усиленные восклицательной интонацией. На что следует реакция удивления со стороны Олега «Нормально... а что так грубо? а?». Этот момент можно считать пиком конфликта, его созреванием, когда обе стороны начинают использовать активные речевые действия в адрес друг друга с целью причинить ущерб. Молодой человек прибегает к речевой стратегии агрессии с тактикой колкости «А у нас тоже разговор. И тоже важный. Вот с тобой, прикинь, подруга?». Данное высказывание является также демонстрацией обиды и угрозой. Через намек на неправильное поведение Юли, Олег хочет дать ей понять, что ее слова задели молодых людей и за это последует расплата.

Языковыми факторами, спровоцировавшими конфликт со стороны Юли, можно считать: табу-семы «на х.й», «пиз...те», содержащие обценную лексику, адресованную молодым людям и употребленные с целью придать своему ответу эмоциональности, окрасить в негативные, резкие тона.

Со стороны Олега можно отметить употребление дискурсивных слов «нормально», выражающего неодобрение и удивление, неоднократного использование частицы «а», усиливающую вопрос и направленную на получение ответной реакции, сленгизма «прикинь», означающего «представь» и усиливающего эмоциональность высказывания, повторы вопросительных конструкций «Что? Что делать будем?», указывающих на эмоциональное давление, глагола «спрашиваю» с местоимением «я», которое акцентирует внимание на говорящем и ставит его в доминантное положение, таким образом реализуется властное требование для получения ответа. Через эту формулировку Олег хочет показать свое доминирующее положение по отношению к девушкам, унижить их и запугать. Разрешается конфликт

применением физической агрессии по отношению к Юле. На данном примере мы видим, как речевая агрессия, призванная заменить физическую, переходит в применение физического насилия, не находя примирительного выхода. Таким образом, итогом конфликтной ситуации становится коммуникативная неудача, нашедшая выход в физической агрессии. Данную ситуацию можно отнести ко второму типу речевой агрессии по классификации Ю.В. Щербининой и определить ее как проявление чистой агрессии, когда участники имеют намерение причинить вред друг другу.

После созревания конфликта и применения физической агрессии девушки оказываются заложницами молодых людей². Продолжение речевого конфликта происходит в смене ролей, теперь инвекторами выступают молодые люди Олег и Паша, а Маша придерживается кооперативной стратегии. Суть конфликта заключается в том, что Маша и Юля хотят, чтобы молодые люди их отпустили, а они этого делать не собираются.

² *Маша.* Пацаны... пацаны... ну отпустите её, а? Ну отпустите, а? Ну пожалуйста... Ей же... (Всхлипывает). Она же... (Всхлипывает). Ну, отпустите... Ну, перестаньте... пожалуйста...

Олег. Я, короче, тебе уже говорил – заткнись, а? Я тя предупреждал, а? Я тебе чё говорил, подруга, а?

Маша. Не надо, Олег, пожалуйста... не надо, пожалуйста...

Олег. А чё ты выступаешь тогда, а? Чё ты выступаешь, чё ты лезешь не туда? Ты умереть хотела, так и умрёшь, и чё ты стонешь тогда, чё ты усложняешь всё... (Обращаясь к Паше). Я думаю – её где закопать?

Маша. Не надо, пацаны... ну что вы, пацаны... ну пожалуйста... ну отпустите нас...

Паша. Прикинь, Олег, когда человек чувствует, что умрёт и всё такое, когда вот уже говорят, что его типа закопают там и всё такое, когда вот уже всё, то куда-то пропадает всё. И говорят как-то одинаково, всё одно и то же, повторяют просто и всё, куда девается что, прикинь? Вот до этого они типа такие мы и вот такие, и типа слов знаем кучу и на козе не подъезжай чё как, и типа так вот всё (показывает козу на пальцах), типа навороченные девочки мы и всё такое, а тут хоп-на! (Даёт Маше весёлый подзатыльник). Хоп-на, да?! Чё? Где всё? Где навороченные девочки-то? А? Канючишь теперь... Ты ж вроде умирать собралась, а? Чё, типа чё ты там говорила? А? Заманало тебя всё, хочешь типа просто так – оба-на вот, и всё? И всё? Легко жить хочешь, милая...

Рассмотрим данный фрагмент с точки зрения использования языковых и прагматических средств по классификации В.С. Третьяковой и К.Ф. Седова.

Маша использует стратегию искренности и вежливости с тактикой уговаривания, на что указывают такие формулировки как «ну, отпустите ее, а?» «ну, перестаньте... пожалуйста». Искренность высказывания передается через авторские ремарки «всхлипывает». В словаре Ожегова «всхлипывать» означает «плача, судорожно вздыхать». Судорожность и обрывочность речи передается также через эмоциональные паузы, переданные повторами многоточий. Все приемы в совокупности рисуют перед нами образ неподдельного страха и страдания.

Маша для реализации тактики уговаривания использует такие языковые средства как глагол «отпустите», адресованный обобщенному адресату – «пацанам» и выражающий просьбу, повтор этикетного слова «пожалуйста», которое призвано усилить просьбу, частицу «ну», нацеленную на побуждение к действию, вопросительную частицу «а», усиливающую эмоциональность высказывания и призывающая к ответу. После того как молодые люди не отзываются на просьбу, Маша прибегает к стратегии подчинения, но реализует ее теми же «мягкими» средствами через тактику уговаривания и просьбы.

Олег использует стратегию дискредитации с тактикой грубого прерывания контакта «Я, короче, тебе уже говорил – заткнись, а?», угрозы «Я ты предупреждал, а?», порицания «А ты че выступаешь тогда, а?», запугивания «Я думаю - ее где закопать?». Все эти высказывания являются риторическими вопросами и не требуют ответа от девушки, они направлены на подавление ее эмоционального состояния и унижение.

Паша также использует стратегию дискредитации с тактиками насмешки, что передается через авторскую ремарку «дает ей веселый подзатыльник» и высказывание «хоп-па, да? Че? Где все? Где навороченные девочки-то? Канючишь теперь...», тактику колкости «Легко жить хочешь, милая...».

Языковыми средствами создания конфликтной ситуации со стороны молодых людей можно считать лексику просторечную и стилистически сниженную: разговорные слова с явно негативной семантикой «выступаешь», «лезешь», «короче», просторечия «заткнись», «канючишь», эвфемизм «заманало», дискурсивные слова «тя», «чѐ», предлог «типа», употребленный в неверной семантике, вопросительная частица «а», усиливающие эмоциональность высказывания, а также глагол с негативным значением «закопать», сленгизм «навороченные» в словаре сленга Т.Г. Никитиной во втором значении толкуется как 2. о девушке «модно одетая, эффектно выглядящая», что в данном случае подчеркивает негативное отношение к девушкам, повтор вопросительных конструкций, употребление слов «подруга» и «милая» с ироничным оттенком. Агрессивное поведение молодых людей определяется через слова: «умрешь», «заткнись», «закопать», означающее угрозу и намерение уничтожить девушек. Все перечисленные языковые средства служат для усиления эмоционального воздействия на слушателя, а также для создания образа персонажей из низших, необразованных слоев общества. Автор намеренно вкладывает в уста молодых людей нелитературную речь, чтобы подчеркнуть их маргинальное поведение, чему способствует передача на письме просторечных форм «тя», «че», «чѐ как».

Разрешается конфликт путем насильственных действий со стороны Юли по отношению к молодым людям, что также позволяет нам отнести данную ситуацию к проявлению агрессии как таковой с целью нанести ущерб собеседнику.

Рассмотрим следующий фрагмент из пьесы **«Боюсь стать Колей»** Ивана Андреева. Прежде всего опишем условия, в которых протекает общение, для выявления экстралингвистических факторов, способных спровоцировать конфликт и основных персонажей. Действие происходит в поезде, где все пассажиры между собой незнакомы. Ситуация в поезде, как известно, имеет свою особую специфику – ограниченное пространство, в данном случае

плацкарта, создает иллюзию общности и, часто, люди могут нарушить некоторые этикетные нормы или принципы вежливости, ошибочно принимая вынужденную близость между людьми за близость эмоциональную. Именно на этом диссонансе выстроена данная пьеса.

Рассмотрим данный фрагмент с точки зрения прагматических факторов, создающих конфликтную ситуацию по классификации Крамковой.

Конфликт пьесы строится на несовпадении картин мира людей разного возраста, социального статуса и уровня образования. Главными героями являются молодой человек Алик 29 лет и девушка Полина 27 лет. Алик и Полина занимаются наукой, остальные герои в плацкарте являются «обывателями». Разница в мировоззрении проявляется прежде всего в речи персонажей. Алик вступает в разговор с пассажирами Николаем и Тamarой, взрослой супружеской парой. Их речь ориентирована на быт, телесность и стандартное мышление, полна просторечиями³. Это изначально настраивает Алика и Полину против остальных пассажиров. Этот факт можно считать фазой назревания конфликта (по классификации Якубович).

Алик пишет своей невесте комментарии о происходящем в вагоне, выражая каждый раз свое негативное отношение к соседям⁴. Свою негативную оценку Алик дает и Полине⁵.

Алик и Полина противопоставлены автором вначале пьесы, что можно отметить во внутренней речи героев, когда они пишут комментарии в сообщениях. Речь Алика, адресованная невесте, и содержащая негативные описания происходящего вокруг, близка к литературному языку: *«третирует, жестокой, невыносимого, потертый, помятая, чертовых»*.

³ *«Тамара: Молодой человек, курицу-то ешь, чего смотришь.»*, *«Тамара: Гляди, гляди – вот это пятно ведь от курицы не отмоется. Всё, были штаны, теперь только на тряпки пустить»*.

⁴ *«Эта женщина постоянно третирует своего мужа. А он терпит.»*, *«Но этот халат, эти распухшие ноги в чёртовых тапках, неровный загар, сердитое лицо, зажатый в сетчатой полочке журнал сканвордов – всё это превращает девушку в женщину, раздавленную рухнувшей стеной надежд и мечтаний.»*

⁵ *«Появилась ещё одна соседка на нижней боковушке... Но, кажется, она такая же ненормальная, как эта твоя Палумна Лагвуд.»*

Речь Полины на ту же тему напротив, содержит нецензурные выражения и бранные слова: «*невъебенный, нихера, ебучие, уродливых, ебанутым*» и т.д.

Через сообщения к своей невесте и блог в интернете мы знаем истинное отношение Алика и Полины к происходящему. Общность их мировоззрения на первом этапе проявляется в критичном отношении к «обывателям», которые действуют в рамках заданного традицией фрейма «поездка на поезде», куда входят слоты «угощение едой», «личные вопросы окружающим» и «сообщение личной информации о себе». Также, как и Алик, Полина негативно оценивает соседей⁶.

Взаимопонимание возникает между Аликом и Полиной возникает на почве науки⁷ и схожего чувства юмора⁸.

Постепенно, когда Алик понимает, что Полина ему начинает нравится, а решение жениться на своей невесте – ошибочно, его речь начинает подстраиваться под речь Полины и наполняется ненормативной лексикой: «*Алик (Полине): Мне нравится, когда ты материшься. Далеко не всем девушкам удаётся так красиво произносить брань. Ты охуительно материшься*»

Рассмотрим отрывок⁹ из пьесы на предмет возникновения коммуникативных неудач по классификации Формановской:

⁶ «17 долгих часов в компании пожилой супружеской пары, женщины в халате и... Как я ненавижу таких вот мужиков. Непонятно - мужик или не мужик.», в том числе и Алика «*Алик. Очкастый Алик. Худой очкастый Алик. Бледный, худой, очкастый Алик.*»

⁷ *Полина:* Думаю, в дело вмешался гормон допамин.

Алик. Окситоцин. Если уж вы решили перевести чувство в химию.

Полина. Окситоцин? Я тебя умоляю.

⁸ Блог Полины: *Никто больше не улыбается, никто не понял в чём, блять, здесь прикол.*

⁹ «*Колястик. Так кто ты по гороскопу?*

Алик. Это всё чушь.

Колястик. Ну, скажи кто ты по гороскопу? Ради интереса.

Алик. Козерог.

Колястик. О! А я телец. Понимаешь, да?

Алик. Ничерта я не понимаю.

Колястик. Идеальное сочетание.

Алик. Коля, о чём ты?

Участниками диалога являются двое молодых людей из разных социальных групп: деятель науки и обыватель. Причиной возникновения коммуникативной неудачи является экстралингвистический фактор - разница в мировоззрении персонажей: «научного», предполагающего критический подход, и «обывательского». Перед нами два участника Колясик и Алик. Алик, как представитель «обывателей», верит в гороскоп и имеет намерение убедить Алика в том, что сведения из гороскопов достоверны, а Алик, имея научную картину мира, в это не верит и хочет донести до собеседника неверность его предположений. Так на вопрос о гороскопе Алик отвечает резко негативной оценкой данной системы взглядов. Свое негативное отношение он выражает в словах: «чушь, ничерта». В словаре Ефремовой слово «чушь» толкуется как разг. 1. Глупость, нелепость, ерунда, вздор. 2. перен. Нечто неприглядное, крайне непривлекательное. Дискурсивное слово «ничерта» в данном случае означает резкое отрицание и служит для усиления эмоциональности высказывания, усиления несогласия. В данном случае Алик использует негативную оценочную лексику с намерением изменить мнение адресата.

Речь Колясика также эмоциональна, что выражается в использовании усилительной частице «ну», восклицании «О!», вопросительно частице «да», эмоциональном слове «идеально», все эти слова направлены на усиление воздействия на адресата. Причиной коммуникативной неудачи можно назвать в том числе такой прагматический фактор как чрезмерное вербальное воздействие на адресата (В.С. Третьякова).

Перлокутивный эффект, задуманный Колястиком не находит воплощения. Вывод, который делает Колясик, о том, что они с Аликом хорошо находят общий язык, является подтверждением недостоверности астрологических данных, что создает комический эффект. В том числе на

Колясик. Я не в том смысле, чтобы... а вообще. Видишь, как мы хорошо с тобой находим общий язык. И мне вот комфортно с тобой общаться. В гороскопе что-то есть. Тайное и непостижимое.»

исход общения повлиял такой экстралингвистический фактор, как неготовность собеседника слушать. Алик намеренно использует резкое отрицание на вопрос Колясика с целью прервать разговор.

Рассмотрим следующий фрагмент¹⁰ из этой же пьесы на предмет нарушения этикетных норм в стандартной ситуации знакомства. Пассажир Толик подходит к девушке Полине с целью завести беседу. Как мы знаем из текста, Полина негативно настроена на общение с соседями по плацкарту и в этой стадии происходит назревание конфликта.

Обращение «красавица», адресованное Полине, задает общению фамильярный тон. Подобное обращение к незнакомой девушке усугубляет употребление ты-формы. Учитывая психологическое состояние Полины, вполне предсказуемой реакцией становится речевая агрессия в форме грубого отказа, который одновременно является насмешкой. В данном случае этикетное слово «спасибо» приобретает ироничный оттенок.

К языковым факторам, спровоцировавшим конфликт со стороны Толика, можно отнести: ты-форму обращения, дискурсивные слова «да ладно, чо ты» в данном контексте можно интерпретировать как попытку Толика переубедить девушку и расшифровать как «я понимаю, что ты не хочешь знакомиться, но может быть ты пересмотришь свое решение». Автор намеренно подчеркивает просторечное произношение слова «чо», рисуя в тексте образ Толика как человека необразованного. При поиске выражения «да ладно, чо ты» в поисковом браузере «Google», первая страница результатов выдает ссылки на цитату Данилы главного героя из фильма «Брат» Сергея Бодрова, что отсылает читателя к эстетике фильма, снятого в 90е годы (как известно, в фильме показывается срез общества криминализированного, а сам герой принадлежит к низшим слоям

¹⁰ *Толик. Привет, красавица. Может, познакомимся?*

Полина. Нет, спасибо.

Толик. Да ладно, чо ты. Меня Толиком зовут.

Полина. Сочувствую.

Толик. А ты чё такая дерзкая, а?

населения). Автор таким образом хочет показать несовместимость Толика и Полины, подчеркнув его необразованность.

В ответ на его действия Полина продолжает использовать речевую стратегию ухода от взаимодействия с тактикой насмешки. Она употребляет глагол «сочувствую» с семантикой сопереживания в переносном смысле, создавая ироничный подтекст.

Толик понимает, что против него совершаются агрессивные речевые действия и совершает ответные действия, в этот момент происходит созревание речевого конфликта. Речевая агрессия Толика выражается в тактике порицания в форме риторического вопроса «А ты чё такая дерзкая, а?», который содержит намерение Толика осудить девушку. В словаре Дмитриева слово «дерзкий» толкуется как грубый и вызывающий. Так Толик в вопросительной форме обвиняет Полину в грубом и вызывающем поведении. Частица «а» в данном случае употреблена в значении «не так ли» и служит для усиления вопросительной интонации. Конфликт разрешается авторским обрывом разговора.

В следующем конфликтном фрагменте¹¹ пьесы «Боюсь стать Колей» участвуют трое пассажиров Полина, Толик и Алик. Полина и Толик уже

¹¹ *Толик.* Ну чего, красоточка, пошли. Винчик сам себя не выпьет.

Полина. Я уже сказала, что не пью.

Толик. Да кто пьёт-то. Так, на доньшке.

Полина. Молодой человек, австралопитеки – не мой круг общения.

Толик. В смысле?

Алик. Опрометчиво. Он скорее Хомо Эректус. Он довольно высок, близко посаженные глаза. Ощутимы признаки связной речи.

Толик. Чо? Ты кто тут ваще? Слышь, э?

Алик. Хотя на счёт связной речи, я, пожалуй, ошибся.

Толик. Ты типа щас меня эта, да? Ты чё, ёпт? Ты типа дерзкий, а?

Полина. Алик, ты его травмировал.

Толик. Слышь, ботаничина, ты хоть понимаешь, как ты попутал, а?

Алик. Мне показалось, эта леди не разделяет вашего желания пообщаться.

знакомы и имеют опыт доверительного общения, общность их интересов находится в области науки. Толик и Полина имеют опыт конфликтного общения. Автор описывает Толика как человека, не имеющего достаточного образования, грубого и невоспитанного. Толик пытается завести беседу с Полиной, а Алик, осознавая нежелание девушки общаться, кооперируется с ней. Толик имеет намерение познакомиться с Полиной поближе и пригласить ее выпить алкогольный напиток, а Полина и Алик стремятся избежать контакта с Толиком.

Изначально к коммуникативной неудаче приводит неуважительное обращение Толика к Полине. Толик общается с Полиной, разворачивая фрейм «знакомство с девушкой» в фамильярной, неуважительной манере, присущей необразованным слоям населения. Он использует при обращении ты-форму и обращение «красоточка», что недопустимо при разговоре со взрослой незнакомой девушкой.

Можно выделить следующие языковые конфликтогенные факторы: употребление императива совершенного вида «пошли», усиливающего негативный эффект, сленговые слова и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами «красоточка», «винчик», «донышке», что по всей видимости должно внушить девушке заботу и расположенность молодого человека по отношению к ней. Однако, эти слова в данной ситуации приобретают оттенок фамильярности. Слова «винчик» и «донышко» относятся к тематике застолья и их уменьшительные названия становятся неуместными и имеют противоположный эффект, вызывая негативную реакцию, дискурсивные слова «в смысле?», выражающее возмущение и удивление. Автор передает низкий уровень образования

Полина. Теперь он хочет общаться с тобой, Алик.

Толик. Молчи, женщина. Пацан, сюда щас иди.

Алик. Между нами три шага, мог бы и сам пройти.

Толик. Бля, как ты меня бесишь. Вот вообще ненавижу таких удадов.

Толика через просторечное выражение «сюда щас иди», обозначающее «подойди», но с указанием точных временных рамок и места, это выражение служит усилением проявления воли говорящего и является проявлением речевой агрессии в форме грубого требования. Тем же конфликтным потенциалом обладают императив совершенного вида: «пошли, молчи», в том числе на конфликтное речевое поведение Толика указывают вопросительные слова и частицы «в смысле?», выражающее удивление и возмущение, «чо?», «че?», просторечное слово «слышь?», усилительная частица «а?», междометия «э», «ваще», ненормативные междометия «бля», «епт», призванные усилить эмоциональное воздействие на адресата и выражающие эмоциональное состояние, разговорное слово «щас», дискурсивное слово «эта», выражающее возмущение, сленгизмы «пацан», «типа», «дерзкий», «попутал», имеющие негативный оттенок. Конфликтогенами в речи Толика также являются глаголы, выражающие эмоциональное состояние героя «бесишь, ненавижу» с явно негативным оттенком, существительные с негативной оценкой собеседника «ботанщина», «женщина» (в этом случае приобретает негативный оттенок и толкуется как уничижительное обобщенное название женского пола, прим: «молчи женщина, твой день восьмого марта»), «удод». Слово «ботанщина» образовано от «ботаник», которое в Словаре сленга обозначает человека, который слишком много учится, а суффикс –щин добавляет слову неодобрительный оттенок. Слово «удод» в толковых словарях русского языка толкуется как «птица с пестрым оперением, веерообразным хохолком и длинным изогнутым клювом». В корпусе русского языка «удод» встречается в качестве ругательства на кого-либо. Вероятно, слово «удод» приобрело свое негативное значение благодаря сходству со словом «урод», имеющее явно негативную окраску, и не может быть отнесено к зоосемантическим метафорам.

На неудачные попытки завершить разговор с Толиком Полина, в противовес ему, переходит на «язык» образованного человека, что

выражается в использовании обращения «молодой человек», которое в данном случае приобретает ироничный оттенок, термина «австралопитеки», а также словосочетания «круг общения». Намеренным «усложнением» речи Полина желает подчеркнуть разницу в образовании между ней и Толиком. Ее намерение достигает перлокутивного эффекта, Толик использует разговорную частицу «в смысле?» для уточнения смысла высказывания. При переходе с кода на код между коммуникантами происходит недопонимание и в итоге коммуникативная неудача разворачивается в речевой конфликт.

К языковым конфликтным средствам со стороны Полины и Алика можно отнести: использование слова «Австралопитек» в словаре Ефремовой означает – «высшую человекообразную обезьяну». Учитывая разницу в фоновых знаниях, Полина скрывает свое намерение оскорбить Толика, используя термин «австралопитек» в переносном смысле с целью указать на сходство Толика с обезьяной, подчеркнуть его глупость. В тоже время Полина использует этот термин с расчётом на понимание Алика, который имеет общие с ней фоновые знания и способен оценить сложную шутку. Толик же этой шутки не понимает, как не осознает поначалу нанесенное ему оскорбление. Алик, подхватив языковую игру Полины, называет Толика Гомо Эректус. Толик, не понимая значения этих терминов, догадывается, что против него совершаются конфликтные действия, унижающие его. Алик, декодируя сообщение Полины, оказывается ее соучастником. В данном случае конфликтогенами выступают незнакомые одному из коммуникатов слова «австралопитек», «Хомо Эректус», которые имеют негативные ассоциации. Также конфликтогенным является местоимение второго лица «он», «его» и глаголы во втором лице «травмировал», «хочет общаться», относящиеся к Толику в тот момент, когда он находится рядом с говорящими.

Алик подчеркивает социальный разрыв между ними и Толиком, употребляя по отношению к Полине стилистически окрашенное слово «леди», неуместное в данной ситуации и создающее за счет этого контраст с

«австралопитеком» Толиком, а также слово «опрометчиво», относящееся также к книжному стилю.

Рассмотрим данный фрагмент с точки зрения конфликтных стратегий и тактик. Полина применяет стратегию ухода от общения, используя тактику насмешки «Молодой человек, австралопитеки - не мой профиль». Затем она и Алик переходят на конфронтационную стратегию, которую можно определить как куртуазную (по классификации К.Ф. Седова) или стратегию дискредитации (по классификации В.С. Третьяковой) с тактикой колкости и насмешки «Он скорее Хомо Эректус», «Хотя на счет связанной речи я скорее ошибся», направленная на унижение и осмеяние Толика.

Причиной конфликта также служит противостояние Алика и Полины, как уже было выше отмечено, обывательскому клишированному сознанию. Так Толик является «сборником» подобных клише, которыми он пользуется при общении, при этом соблюдая определенные правила языковой игры, принятые в необразованных слоях населения. При грубом требовании Толика «Пацан, сюда щас иди», которое запланировано им как угроза и запугивание, Алик реагирует замечанием «Между нами три шага, мог бы и сам подойти», игнорируя при этом речевые клише собеседника и речевую игру, указывая на фактические данные.

После того как Полина не отозвалась на просьбу Толика, он использует стратегию подчинения с тактикой уговора «Да кто пьет-то, так на доньшке», после созревания конфликта Толик прибегает к агрессивной стратегии с тактиками возмущения «В смысле?», устрашения «Ты кто тут ваще? Слышь, э?», выраженные в риторических вопросах и не требующих ответа, направленные на утверждение собственного авторитета, подобные предложения, на наш взгляд, имеют функцию эмоционального негативного «выброса», тактика порицания «Бля, как ты меня бесишь. Вот ненавижу таких удобов». В отличие от своих собеседников, Толик выражает речевую агрессию в открытой форме. Конфликт разрешается проявлением физической агрессии Толика в адрес Алика.

Рассмотрим следующий фрагмент¹² из пьесы В. Сигарева «Пластилин».

¹² *Директор.* Так вот, Ольга Ивановна, мы вынуждены прибегнуть к отчислению вашего внука.

Бабушка. За што же это?

Людмила Ивановна. За все хорошее.

Бабушка. Што ж он сделал-то?

Максим. По морде ее племяннику-карманнику настучал.

Людмила Ивановна. Заткнись, щенок! Олег Петрович, я поражаюсь просто! Сидит тут какая-то непонятно кто. Воспитала подонка последнего да еще и защищает. Вы хоть сами-то, как вас там, понимаете?

<...>

Людмила Ивановна. Так, значит, хороший он?

Бабушка. Хороший.

Людмила Ивановна. Ну, тогда я не знаю, Олег Петрович, как с ней разговаривать. Вы в школе-то, милая моя, когда последний раз были?

Бабушка. Дак у меня ноги...

Людмила Ивановна. Что ноги?

Бабушка. Дошла еле.

Людмила Ивановна. Раз ноги, чего же было опекунство брать. Я, Олег Петрович, поражаюсь, как вообще ей позволили. Куда глядели. Это же, милая моя, ответственность громадная.»

Бабушка. А куда ж его?

Людмила Ивановна. Этого вот только не надо. У нас государство, слава богу, все условия создало. А такие, как вы, этого до сих пор понять не могут. И самодеятельностью всякой занимаются. А итог вот. *(Показывает на Максима.)* Вот он итог – наркоманы, подонки и вообще всякие отбросы.

Бабушка. Да ты...

Людмила Ивановна. Вы мне не тыкайте. А то так тыкну...

Директор. Людмила Ивановна, полегче.

Людмила Ивановна. Да куда с ними полегче! Его сажать надо давно. И ее заодно.

Максим. Ты, курица, заткнись, а!

Людмила Ивановна. Как?!

Максим. Затухни, короста!

Бабушка. Максима...

<...>

Максим. Пошли отсюда, ба. Че эту жабу слушать. Или пускай она валит.

Людмила Ивановна. Видала, да! Вот кого ты воспитала!

Максим. Заткнись, сука! *(Схватил со столика вазу.)* Бошку щас проломлю!

Людмила Ивановна (вскочила со стула, спряталась за директора). Олег Петрович, уберите! Он же психопат, Олег Петрович! Ой, что творится! Полицию надо!

Директор. Максим, успокойся.

Максим. Да пошли вы. Пошли, ба. Бабушка встала. Максим поставил вазу обратно.

Директор. Я еще не закончил...

Максим. Всего. Уходят.

Главный герой пьесы подросток Максим, которого можно охарактеризовать как «трудного». На протяжении всей пьесы Максим становится участником и свидетелем всевозможных конфликтов.

Выявим структуру конфликтного коммуникативного акта по схеме Б.Ю. Городецкого.

В данном фрагменте участвуют четверо – Максим, его бабушка, учительница Людмила Ивановна и директор школы. Общение проходит в стенах школы, куда вызвали бабушку Максима. За плохое поведение подростка хотят исключить из школы. Максим, как «трудный подросток», настроен агрессивно к представителям школы. Ивановна ранее имели опыт конфликтного общения, поэтому учительница имеет личные обиды на Максима. Бабушка ввиду своего возраста и состояния здоровья не может полноценно воспитывать внука, также как не может объективно оценивать ситуацию. Директор придерживается нейтральной, пассивной позиции. Директор и Людмила Ивановна объединены по профессиональному признаку и имеют намерение исключить Максима из школы, а Максим и бабушка такого исхода не хотят. В этом противостоянии намерений и точек зрения на ситуацию (бабушка считает внука хорошим, а Людмила Ивановна имеет противоположное мнение) заключается конфликт, описанный выше. Результатом общения и разрешения конфликта становится уход одной из сторон от взаимодействия, что можно считать негативным результатом коммуникации.

Ситуация соответствует фрейму «вызов к директору школы». Данная ситуация предполагает официально-деловой характер общения и подразумевает строгое соблюдение норм общения. В данном случае стороны наделены неравной властью – директор и учительница имеют больше власти, потому как имеют право исключить Максима из школы или оставить его и от исхода беседы будет зависеть судьба подростка. Потому роли в данной ситуации распределены неравномерно и предполагают больше лояльности и сдержанности со стороны зависимой стороны – бабушки и Максима.

Рассмотрим данный фрагмент с точки зрения классификации языковых факторов конфликтного общения, предложенной В.С. Третьяковой. Так к языковым факторам, провоцирующим конфликт можно отнести:

- со стороны Людмилы Ивановны: зоосемантическая метафора в адрес Максима «щенок», слова, содержащие негативную оценку «наркоманы, подонки и вообще всякие там отбросы», «психопат», глагола «тыкну», слово с выражением негативного действия в адрес Максима и бабушки «его сажать надо давно. И ее заодно», переход с Вы-формы на ты-форму по отношению к пожилому незнакомому человеку, использование местоимения второго лица по отношению к бабушке в тот момент, когда она находилась рядом «как с ней разговаривать», использование местоимения «он» по отношению к Максиму в тот момент, когда он находился рядом «Он же психопат!».

- со стороны Максима: употребление зоосемантических метафор «курица», «жаба», сленгизма «короста», означающего «неприятная женщина», «валит» в значении «уходит», «настучал» в значении «побил», «проломлю» в значении «ударю», глагола в повелительном наклонении «заткнись», инвективы «сука», негативно оценочного слова в адрес родственника Людмилы Ивановны «племянник-карманник», разговорно-сниженного слова «морда», «башка», употребление в адрес Людмилы Ивановны местоимения второго лица «ты».

- со стороны бабушки ненамеренным проявлением речевой агрессии можно считать переход с Вы-формы на ты-форму.

К лингвистическим факторам возникновения конфликта можно отнести следующие:

- со стороны Людмилы Ивановны предвзятое отношение к Максиму (между ними уже была назревшая конфликтная ситуация, которая к моменту разговора у директора перешла в стадию созревания), нарушение этикетных норм и правил общения (нарушение практических всех правил эффективного речевого поведения по классификации Н.И. Формановской), использование конфронтационных стратегий поведения: стратегии дискредитации с

тактиками насмешки «За все хорошее.», грубого требования «Заткнись, щенок!», порицания «Воспитала подонка последнего», «чего же было опекунство брать», обвинения «Вот кого ты воспитала!», возмущения «Как?!»; инвективную стратегию с тактикой оскорбления «Он же психопат», «Заткнись, щенок!». Косвенной причиной возникновения данной конфликтной ситуации можно назвать низкий авторитет бабушки Максима, автор подчёркивает это через слова «што?», «дак», просторечную формулировку «куда ж его?», что обусловлено возрастом и, по всей видимости, необразованностью бабушки.

- со стороны Максима можно выделить стратегию дискредитации с тактикой разоблачения «По морде ее племяннику-карманнику настучал», стратегию подчинения с тактикой грубого требования, а также оскорбления «Ты, курица, заткнись, а?», «Заткнись, сука!», «Затухни, короста!», тактикой угрозы «Заткнись, сука, (схватил со столика вазу) Бошку щас проломлю» с демонстрацией предмета, которым угроза будет выполнена, стратегию ухода от взаимодействия с тактикой грубого прерывания коммуникативного контакта «Всего!».

Разрешением конфликта является уход одной стороны от взаимодействия. Судя по разрешению конфликта, можно сделать вывод, что перед нами пример агрессивной речевой деятельности или проявление прямой агрессии (второй тип речевой агрессии по классификации Ю.В. Щербининой), где речевые действия направлены на причинение вреда собеседникам.

Следующий фрагмент¹³ из пьесы Н. Коляды «**В Москву – разгонять тоску (провинциалки)**». Две молодых девушки Надя и Жуля приехали в

¹³ *Надя* (уже у двери, тихо). *Может, Жуля, записку ему оставим? А, Жуля?*

Жулька. *Что ты ему напишешь в записке? «Увы и ах! Надежды не сбылись! Ты был так откровенно жесток, что я поняла: я твое очередное увлечение!» Так, да? Или написать: «Большое спасибо за прием и ласку!»? Еще не хватало, чтоб я ему записки писала! Все с ним, москвичом позорным, ясно! Всё. Я тебе сказала! Прошла любовь, завяли помидоры!*

Надя. *Неудобно как-то...*

Москву к малознакомому им молодому человеку и поселились в его квартире. Ночью молодой человек бесцеремонно нарушил личное пространство девушек – лег спать рядом с ними. На утро, не подав вида о произошедшем, молодой человек ушел на работу. Девушки, пораженные легкомыслием и развращенностью нравов «жителя столицы», решают уйти из квартиры. Жуля испытывает гнев и абсолютно уверена в своей правоте и желании уехать, а ее подруга Надя испытывает неуверенность, потому как молодой человек ей понравился.

Исходя из ремарки автора «(Жулька) Толкнула Надю в дверь... Надя плакала», можно сделать вывод об эмоциональном состоянии девушек: Жулька ведет себя агрессивно, а Надя подавлена.

Данный конфликтный диалог строится по средствам побудительных речевых актов: просьбы, упрощивания (со стороны Нади) и запрета, принуждения (со стороны Жульки).

Для выражения запрета Жулька использует вопросительные и восклицательные конструкции, иронию, усиливая эмоциональное воздействие с помощью вопросительной частицы «да?», которое призвано побудить к ответу, дискурсивные слова «увы и ах!», выражающее разочарование, «всё!», выражающее в данном случае итог, прекращение разговора, повтор «что-что?», выражающий осуждение к сказанному собеседником. Свое отношение к ситуации девушка выражает в негативной

Жулька. Неудобно спать на потолке! Я кажется, ясно сказала: я в этот желтый дом, в этот грязный притон больше – ни ногой! Лучшие на вокзале или на улице на лавочке замерзать, чем тут! Всё!

Толкнула Надю в дверь. Вышли на лестничную площадку. Жулька нажала кнопку лифта. Надя плакала.

Надя. Мне его жалко...

Жулька. Что-что ты там говоришь?

Надя. Мне его жалко!

Жулька. Жалко у пчелки, а пчелка – на елке! Бесструнная балалайка, завелась! Хватит! Поняла или нет?

Надя. Поняла!

Жулька. Вот и все. Он спать нам всю ночь не давал, а ты? Вот она – твоя беспринципность! Быстро же ты забываешь людскую подлость! Очень быстро!

оценочной лексике, содержащей конфликтогенный потенциал в силу своей экспрессивности:

- «позорный» в словаре Ефремовой толкуется как навлекающий позор, бесчестье, тот, кто связанный с позором. В словаре аргос данное слово толкуется как общеотрицательный эпитет;

- «желтый дом» в словаре русских синонимов имеет следующий синонимический ряд: психбольница, дурка, дурдом;

- «грязный притон» в словаре Ефремовой толкуется как тайное место преступных сборищ;

- «бесструнная балалайка» в фразеологическом словаре русского языка данное выражение толкуется как болтун, пустомеля и идет с пометой *пренебрежительное*;

- «беспринципность» в словаре Ефремовой толкуется также как и «беспринципный», то есть не придерживающийся никаких принципов, не имеющий определенных убеждений, пренебрегающий моральными нормами;

- «подлость» в словаре Ефремовой толкуется так же как «подлый» - бесчестный, низкий, презренный.

Все вышеперечисленные языковые средства призваны описать ситуацию в негативном ключе и направлены на усиление эмоционального воздействия.

Запрет и принуждение в данном случае выражены имплицитно, нет конкретных слов, указывающих на запрет (я запрещаю..., я принуждаю...). Жулька использует аргументацию через вопросительную конструкцию «Что ты ему напишешь в записке?», что фактически означает запрет на написание письма. Принуждение со стороны Жульки выражается в следующих конструкциях «я тебе сказала!», «я кажется ясно сказала», «поняла или нет?», выражающие властное требование. Данные выражения посредством глаголов оказывают на адресата усиленное воздействие, эмоциональный нажим и являются типичными для отношений «начальник – подчиненный». Данные высказывания направлены на подавление воли адресата и навязывание

собственной.

Надя использует кооперативную стратегию с тактикой убеждения «Может, Жуля, записку ему оставим? А, Жуля?», где проявлением просьбы является вводное слово «может» с семантикой вероятности. После того как Жулька не откликается на просьбу подруги, Надя также прибегает к конфронтационной стратегии с тактикой принуждения при помощи упрощения через аргументацию «неудобно как-то...», «мне его жалко».

В данной ситуации инвектором выступает Жулька, которая в споре использует более сильные конфликтные стратегии и тактики. Слабая позиция Нади проявляется в том числе в авторской ремарке (уже у двери, тихо), что указывает на высокий авторитет Жульки в глазах подруги.

Надя использует тактику просьбы, уговора, возражения, а в итоге согласия, что подтверждает ее подчиненное положение по отношению к Жульке. Для воздействия на подругу она использует побуждающую частицу «а», в качестве аргументов она прибегает к описанию своего внутреннего эмоционального состояния: «неудобно», «жалко».

Жулька использует стратегию подчинения для воздействия на подругу с тактикой порицания «бесструнная балалайка», данным сравнением автор подчеркивает провинциальный образ девушки, «быстро же ты забываешь людскую подлость! Очень быстро!», указывая на слабохарактерность подруги. В рамках этой стратегии Жулька использует разговорные фразеологизмы, направленные на переубеждение Нади и выражение негативных эмоций: «прошла любовь, завяли помидоры», «неудобно спать на потолке», «жалко у пчелки, пчелка на елке». Данные фразеологизмы применяются в качестве эмоционального шаблона, замещающего ответ, и имеют негативный оттенок. Жулька использует их для усиления воздействия на подругу, когда та выражает несогласие с ее решением. Просторечный характер и грубость этих выражений указывает на эмоциональное состояние девушки, а отсутствие резкой реакции со стороны подруги указывает на близкие отношения говорящих.

Рассмотрим еще один фрагмент¹⁴ из этой пьесы. Предыдущий конфликт оказался неисчерпанным, вероятно, по причине того, что Жулька оказала на Надю давление и та не смогла противостоять подруге. Конфликт возобновляется после ухода девушек из квартиры, но его реализация протекает в более жесткой форме.

В данном фрагменте Надя предпринимает активные конфликтные действия в ответ на речевую агрессию подруги, в этот момент происходит повторное созревание конфликта.

Рассмотрим виды речевой агрессии, присутствующие в данном фрагменте, по классификации Ю.В. Щербининой. Жулька, не сумев убедить подругу в верности своего решения, применяет конфронтационную стратегию, прибегая к следующим видам речевой агрессии:

¹⁴ **Жулька.** Да, да. Я понимаю, что ты влюбилась в этого позорного москвича по уши, влюбилась, вот так! А теперь вот ходишь и нервы мне треплешь!

Надя. А?

Жулька. Не акай! Катись колбаской по Малой Спасской! Зачем я только поехала с тобой в Москву – не знаю. Знала бы – никогда в жизни! Позорница ты!

Надя. Всё. Мне надоели эти выговора. Я тебе не девочка. Я взрослая. Мне восемнадцать скоро. Прощай! Я пошла!

Жулька. Стой! Стой, я тебе сказала! Подруга называется! Бросает меня одну! Позорница!

Надя. Ты же прекрасно знаешь город, прекрасно в нем разбираешься, знаешь всю Москву вдоль и поперек, ты же готовилась, когда ехала сюда, не то что некоторые! Ты не потеряешься без меня! Вон – Сытинский переулок, вон – Тверской бульвар! Давай! Ходи туда-сюда по бульвару! А я – поехала!

Жулька. Куда это ты поехала? Куда ты поехала? К нему, да? К нему? К нему!

Надя. Нет, дорогая моя, я поехала не к нему, а я поехала на вокзал. Возьму билет и поеду назад, в «Сверловск»! Ясно тебе?! (Заплакала.) С дороги, куриные ноги!

Жулька. Ты что, ты что?! Люди смотрят! С ума сошла?

Надя. Пусть смотрят! Пусть все видят, до чего ты меня довела в этой проклятой Москве!

Жулька. Не реви, не реви! Садись, садись... (Они сели на скамейку.) Не реви. Не реви. Я тебя понимаю. Понимаю я тебя очень хорошо. Тебя, наверное, никто так не поймет, а я все понимаю...

Надя. Ничего ты не понимаешь!

Жулька. У меня с Пономарем то же самое... ненавижу его, гада, до ужаса! А один только день не увижу – и хоть помирай!

Жулька заплакала, подружки обнялись. Рыдают обе.

- обвинение - через высказывания: «А теперь вот ходишь и нервы мне треплешь!», «Бросает меня одну!», указывая Наде на ее неправильное поведение, стараясь вызвать чувство вины

- порицание - выражено в виде риторического вопроса-восклицания «Ты что, ты что?! С ума сошла?», повтор риторических вопросов «Куда это ты поехала? Куда это ты поехала?», восклицание «Подруга называется!»

- оскорбление - используя просторечное ругательство «позорница ты!», «позорница», образованное от слова «позорный» при помощи суффикса *-ица*, образующего слово женского рода с соответствующим признаком имени прилагательного, от которого оно образовано;

- грубое требование (или отсыл по классификации К.Ф. Седова) «катись колбаской по Малой Спасской», где смысл данного фразеологизма – иди отсюда, но поговорка имеет функцию смягчения негативного смысла, создает комический эффект благодаря рифме и образному содержанию, что указывает на несерьезность конфликта между двумя близкими людьми, «Стой, стой, я тебе сказала!».

- обличение, уязвление «ты влюбилась в этого позорного москвича по уши».

После того, как Жулька перешла на личное оскорбление «позорница ты!», которые задевают достоинство Нади, девушка в целях самозащиты прибегает к речевой агрессии в форме враждебного замечания «Всё. Мне надоели эти выговора». Далее Надя прибегает к тактике аргументирования «Я тебе не девочка. Я взрослая. Мне восемнадцать скоро», на несерьезность ее намерений указывает ее последнее слово «Прощай! Я пошла!», которое можно приравнять к иллокутивному самоубийству, когда вслух произносится намерение, которое должно иметь только действительное воплощение. Так, говоря «я пошла», Надя имеет ввиду «останови меня», намереваясь напугать подружку потенциальным уходом.

Для усиления эмоциональности речи Надя использует дискурсивные

слова «всё!», «давай».

В пиковый момент конфликта, когда Надя начинает плакать и уже готова уйти, она использует агрессивную стратегию с тактикой отсыла «С дороги, куриные ноги!», что буквально означает «уйди». Далее Надя применяет стратегию обвинения «Пусть все видят, до чего ты меня довела в этой проклятой Москве!». После чего Жулька, осознав серьезность ситуации, предпринимает попытку примирения, прибегая к кооперативной стратегии с тактикой утешения и сочувствия, которые выражается в повторе глаголов повелительного наклонения, но с позитивной семантикой «Не реви, не реви! Садись, садись...» и перенесением проблем Нади на свой личный опыт «У меня с Пономаревым тоже самое...».

Исходя из ремарок «Подруги обнялись. Обе плачут», можно заключить о наступлении катарсиса после ссоры. Разрешается конфликт примирением, что позволяет сделать вывод об агрессивном речевом поведении коммуникантов (первый тип речевой агрессии по классификации Ю.В. Щербининой), которое направлено на эмоциональную разрядку обеих сторон, а не на намеренное причинение морального ущерба.

Рассмотрим фрагмент¹⁵ из пьесы В. Сигарева «Волчок». Действие

¹⁵ *Дядя Коля.* Деньги сюда, бля, вернула, сказал!

Мать. Какие деньги?

Дядя Коля. Деньги, бля, корова!

Мать. А ты чё мне тут при ребенке разблякался?

Дядя Коля. Я щас, бля, так разблякаюсь! (Встал.) Деньги сюда вернула!!!

Мать (ставит банку на шифоньер). Ну-ка оделся-ка и помещение освободил.

Герой...

Дядя Коля. Деньги сюда!!! (Идет на мать.)

Девочка встает между ними.

Девочка. Дядечка, не надо её бить, пожалуйста...

Дядя Коля. Уйди! (Поднимает девочку, сажает на шифоньер.)

Мать. Ребенка мне не трогай!

Дядя Коля (замахивается). Деньги сюда!!!

Мать (садится в угол). Ты че, а?! Тронь только, а! Ты чё, а?!

Дядя Коля. Деньги где?!!! (Бьет ладонью по стене.)

Мать. Ты чё, а?!

Дядя Коля. Деньги!!!

пьесы разворачивается в провинциальном городе. В центре внимания неблагополучная семья, состоящая из бабушки, девочки и матери, вышедшей из-под стражи. Мать приводит в дом мужчину, которого встретила в поезде. Вечер они проводят за распитием спиртных напитков, а утром мужчина (дядя Коля) просыпается, не помня себя, и обвиняет мать в краже денег, а та денег не брала. В данном конфликтом речевом акте участвуют трое: мать, девочка и дядя Коля.

Так дядя Коля применяет агрессивную речевую стратегию с тактикой грубого требования «Деньги сюда, бля, вернула, сказал», «Деньги сюда вернула!!!», «Уйди!», «Деньги сюда!!!», тактикой оскорбления «бля, корова» в адрес матери, тактику угрозы «я щас, бля, так разблякаюсь! (встал)».

Реализация этих тактик происходит через следующие языковые средства: употребление бранного междометия «бля», для усиления негативного эмоционального эффекта, глагола «сказал» в значении властного требования, зоосемантической метафоры «корова» по отношению к матери, дискурсивного глагола «разблякаюсь», образованного от бранного междометия «бля», обозначающего по большей части отрицательные эмоции и обещания сделать нечто негативное по отношению к адресату, повтор глагола в повелительной форме «вернула», использование восклицательных конструкций, указывающих на высокое эмоциональное возбуждение и направленных на усиление воздействия на слушающего.

Мать прибегает к ответным агрессивным речевым действиям в целях самозащиты. Она использует стратегию агрессии с тактикой порицания «А ты чё мне тут при ребенке разблякался?», отсыла «Ну-ка оделся-ка и помещение освободил!», использует тактику насмешки «Герой...», грубого требования «Ребенка мне не трогай!», тактику возмущения через повтор вопросительных конструкций «Ты чё, а?», что указывает на неподдельный страх и недоумение.

Рассмотрим языковые средства реализации речевого конфликта матери: дискурсивное слово «чё» с вопросительной интонацией,

просторечное выражение «мне тут», усиливающее возмущение по отношению к словам адресата, междометие «ну-ка», «оделся-ка» в значении глагола повелительного наклонения и с семантикой «уйди», глагол «освободил» в том же значении, употребление слова «герой» в переносном, ироничном смысле, императива совершенного вида «не трогай!», повтор вопросительной конструкции «ты чё, а?» с целью получения от агрессора ответных действий. Мы видим, что любые речевые действия матери не находят ответной реакции у агрессора, что связано с прагматикой ситуации – неадекватное состояние дяди Коли и повышенное эмоциональное напряжение.

Разрешением конфликта становится проявление физической агрессии со стороны девочки, которая попадает банкой в голову дяде Коли, и невозможностью продолжать разговор ввиду полученной им травмы. Данный тип речевой агрессии также можно отнести к прямым агрессивным действиям (второй тип по классификации Ю.В. Щербининой).

Как и в предыдущих фрагментах, копирование реальной речи, просторечные слова и выражения «чё», «щас», «оделся-ка», ненормативная и бранная лексика используется автором для создания образов людей, находящихся в низах современного общества, не имеющих образования и в целом неблагополучных.

Интересной, с точки зрения построения конфликта, на наш взгляд является пьеса **«Человек из Подольска»** Дмитрия Данилова. При взаимодействии между персонажами одной из сторон нарушается норма социального общения. Так главный герой, именуемый Человек из Подольска, попадает в отделение полиции, где его допрашивают Первый полицейский, Второй полицейский и Женщина полицейский. В сознании обычных людей существует определенный стереотип поведения сотрудников правоохранительных органов, закрепленный в том числе через СМИ. В фрейм «допрос в полиции» входят такие понятия как «удостоверение личности», «арест», «наказание», «преступление», «задержание», «вина»,

«допрос». Рассмотрим фрагмент¹⁶ из этой пьесы с точки зрения нарушения стереотипных связей между категориями смыслов (по классификации В.С. Третьяковой).

По ходу допроса выясняется, что Человек из Подольска задержан «ради ознакомления с его личностью». Вопрос о фактическом месте проживания не вызывает у допрашиваемого удивления, тогда как вопрос полицейского о численности населения Подольска не входит в фрейм «допрос в полиции», в словаре Ефремовой слово «допрос» толкуется как: допрашивание обвиняемого, свидетеля, пленного для выяснения обстоятельств дела, преступления, для получения необходимых сведений. Обвинение, которое предъявляется Человеку из Подольска: «Живет как автомат... не любит, презирает свой город и его жителей... изо дня в день бессознательно совершает одни и те же действия...» не относится к реальным правонарушениям, что вызывает у допрашиваемого чувство возмущения, абсурдности происходящего и приводит к конфликту между сторонами¹⁷.

Конфликт в речи Человека из Подольска выражен через использование рационально-эвристической стратегии (по классификации К.Ф. Седова) с

¹⁶ *Первый полицейский: Место фактического проживания.*

Человек из Подольска: Там же.

Первый полицейский: Подольский, значит.

Человек из Подольска: Ну да. Из Подольска.

Первый полицейский: Население.

Человек из Подольска: Что население?

Первый полицейский: Население Подольска.

Человек из Подольска: Что население Подольска?

Первый полицейский: Назовите численность населения Подольска. Желательно с точностью хотя бы до десятков тысяч.

¹⁷ *Человек из Подольска (поднимая голову): Я... я не понимаю. Почему это все? Почему вы меня спрашиваете про какой-то Подольск, про статус города? Мы где? Это вообще полиция?*

Первый полицейский: Мы вам документы, кажется, предъявляли. Можем на улицу вас временно проводить, посмотрите на табличку у входа. Если сомневаетесь.

Человек из Подольска: Задержали меня просто так, ничего не объяснив, и спрашиваете, какое население. Какое это имеет отношение к делу? Почему вы спрашиваете? Абсурд какой-то...

тактикой обвинения «Задержали меня просто так, ничего не объяснив», тактикой возмущения «Почему это всё?», «Мы где? Это вообще полиция?», «Абсурд какой-то», тактикой прояснения обстоятельств «Какое это имеет отношение к делу?», «Почему вы меня спрашиваете?».

Проанализировав фрагменты из пьес, мы можем построить лексико-семантические группы, которые образуют тактики конфликтного речевого общения (устойчивые речевые жанры).

Так в ходе исследования нами было выявлено, что в лексико-семантической группе (ЛСГ) угрозы и запугивания входят: глаголы отрицательного физического и психологического воздействия на адресата «закопать», «тыкну», «проломлю», «разблякаюсь», глаголы не выражающие прямо воздействия на адресата «предупреждал», «заманало», «попутал», «поняла». Данное поле представлено глагольными формами.

В ЛСГ унижения и оскорбления входят: зоосемантические метафоры «курица», «жаба», «корова», «щенок», сленгизмы «короста», слова с негативной оценочной семантикой «наркоманы», «подонки», «отбросы», «психопат», бранное слово «сука», просторечие «позорница».

ЛСГ насмешки и колкости пересекаются с ЛСГ унижения и оскорбления, потому как имеют схожие коммуникативные задачи – обидеть человека, понизить его авторитет: сленгизм «навороченные», дискурсивное слово «хоп-па», слова, употребленные в переносном значении и с ироничным оттенком «милая», «подруга», «сочувствую», за все хорошее, герой, фамильярное «молодой человек», «леди», термины «австралопитек», «Хомо Эректус», через описания: «высок, близко посажены глаза, осязаемы признаки связанной речи».

В ЛСГ грубого требования и отсыла входят: устойчивые выражения с глаголом в первом лице прошедшего времени «я тебе сказала», «я ясно сказала», «сказал», выражающее властное, настойчивое требование; перформативные глаголы «пошли», «молчи», «иди», «заткнись», «затухни», «вернула», «уйди», «оделся-ка», «не трогай», междометия «ну-ка», табу-семы

«на х.й пошли», «пиз...те», фразеологизмы «катись колбаской по Малой Спасской», «с дороги, куриные ноги». Данная группа реализуется посредством императивов совершенного вида.

В ЛСГ порицания и обвинения входят: вопросительные конструкции «а ты че выступаешь?», «лезешь?», «а че ты разблякался?», глаголы, выражающие негативное отношение к адресату «бесишь», «ненавижу», «сажать надо», «чего же было опекунство брать», «забываешь», «ходишь», «треплешь» в значении «изводишь», негативно оценочные номинации «ботанщина», «удод», «дерзкая», «племянник-карманник», «короста», «позорный», «желтый дом», «грязный притон», «бесструнная балалайка», слова со значением нравственных недостатков адресата «беспринципность», «подлость», просторечия «морда», «башка», восклицательные конструкции «с ума сошла!», «подруга называется!». Чаще всего порицание и обвинения выражается через вопросительные и восклицательные конструкции.

В ЛСГ возмущения входят: вопросительные конструкции «в смысле?», «как?», «ты че, а?», «почему?», дискурсивные слова нецензурные и просторечные «бля!», «ваще», «вообще», «епт», «эта».

В ЛСГ грубого прерывания контакта входят: глагол «заткнись», дискурсивное слово «всего!».

2.3 Практическое значение изучения пьес в аспекте речевых актов

Как нами уже было отмечено, теория речевых актов изучает слово как действие. Учитывая специфику сценического воплощения драматических произведений, можно утверждать, что слово в драме является генератором действия. В отличие от таких форм художественной литературы как роман, рассказ, которые предполагают художественное пространство внутри книги и живут на страницах, создавая образы посредством описаний и через комментарии «всеведущего» автора, драма вынуждена «проговаривать» свое действие в диалогах героев, которые составляют непосредственно «тело» драмы. Поэтому авторы максимально точно прорабатывают реплики

персонажей, вкладывая в них тонкий психологизм и глубину образов, нагрузка на реплики героев соответственно становится больше. Таким образом можно сделать вывод, что драма изначально нацелена на коммуникацию. Реплики героев являются своеобразным оттиском дискурса, существующего в различных слоях социума. Все конфликты, мысли, переживания и намерения героев воплощаются через речь и этот факт делает драму привлекательной для изучения в аспекте лингвоконфликтологии и лингвопрагматики.

При анализе художественных фрагментов в нашей работе мы учитывали как языковые, так и прагматические факторы создания конфликтных ситуаций. Такой подход позволил разобрать реплики героев в русле исследований «языка в ситуации», с точки зрения применения его в действии. При этом мы смогли проследить, как язык влияет на коммуникантов в процессе общения и как влияет речь на личность самих коммуникантов.

Таким образом, причина изучения пьес в аспекте речевых актов является двухсторонней. С одной стороны, понимание теории речевых актов позволит драматургам лучше проникать в структуру диалога, понимать стратегии и тактики поведения персонажей в тех или иных ситуациях. Знание о прямых и косвенных речевых актах, а также типах высказываний, поможет умению разнообразить реплики персонажей в однотипных ситуациях, скрывать намерения героев, делать их речь более изощренной и психологичной. А с другой стороны, изучение пьес современных драматургов, как было нами выявлено во второй главе исследования, может дать лингвистам множество примеров для отработки навыков анализа речевых конфликтных ситуаций.

Так, например, пьесы В. Сигарева исследователи относят к направлению гиперреализма. Он освещает в своих пьесах ту сторону жизни, в которой нет ничего светлого. Конфликты между персонажами, создаваемые им, не имеют положительного разрешения, они чаще всего заканчивают

уходом от взаимодействия или насилием («Пластилин», «Волчок»). Его пьесы являются «концентратом» отрицательных человеческих поступков, характеров и конфликтных ситуаций. По пьесам и сценариям В. Сигарева снимаются фильмы («Волчок», «Жить» и другие), ставятся спектакли на площадках по всей России, его творчество является предметом исследования филологов (Мещанский А.Ю., Возмищева Е.В., Кузнецова Л.В.). Этот факт позволяет сделать вывод, что пьесы В. Сигарева имеют немалый вес в современной культуре и науке, а значит отражает проблемы, назревшие в обществе. Прочитав на этот счет слова исследователя И.П. Сусова, подтверждающие взаимосвязь реальности с миром художественным: «отражение реального мира в идеальном мире эстетической действительности, как фрагмент действительности, пропущенный через «Я» субъекта речи и адресованный получателю информации» [Сусов, 1984, с. 88]. Автор через свои произведения показывает мир ужаса, который может наступить, если общество не обратит внимание на свои проблемы: безответственность родителей, невнимание учителей к проблемам школьников, безразличие и агрессия окружающих, распространение пагубных привычек и другие «болезни» современного общества. Все эти проблемы находят свое отражение в языке, создавая речевую агрессию, которая неизбежно приводит к речевым конфликтам. Анализируя диалоги в подобных пьесах, лингвисты способны «вытащить на свет» все самые острые и нерешаемые речевые конфликты, рассмотреть их и детально разобрать.

Выявленные лингвопрагматические факторы, создающие конфликтные речевые ситуации, помогут лучше понять природу реальных речевых конфликтов, происходящих в современном обществе. Возможно, это позволит исследователям разработать методы выявления и противодействия речевой агрессии, актуальные для современного социума, который только-только начал выходить из кризиса 90-х годов, породившего в свою очередь такое направление как «новая новая драма».

2.4 Художественный текст и возможности современной лингвистической экспертизы

Изначально наша работа планировалась в ключе лингвокриминалистики. Нами было сделано предположение, что художественные тексты, а в частности современная драматургия, может являться объектом лингвистических судебных экспертиз. В связи с возникающими в средствах массовой информации скандалами вокруг дел, связанных с намерением запретить ту или иную сценическую постановку, мы планировали разработать методику анализа художественных произведений на предмет выявления оскорбления, унижения чести и достоинства, призывов к экстремистской деятельности. Однако, более детальное изучение вопроса привело нас к выводу о том, что проведение лингвистических экспертиз по данным делам является крайне редким и малоэффективным, что связано с рядом причин. Одной из таких причин можно считать запрет цензуры на территории РФ, который зафиксирован в Конституции РФ и в 3ст. закона РФ «О средствах массовой информации» (О СМИ). Еще одной причиной являются неразрешенные проблемы, существующие внутри самой лингвистической экспертизы, что связано с относительно молодым направлением в лингвистике - лингвокриминалистики. Также задача осложняется самой спецификой объекта исследования, а в частности перед экспертами встает вопрос о снятии с автора ответственности при использовании им художественной формы. Часто причиной отказа в судебном иске, связанном с художественным текстом, становится отсутствие адресности высказывания [Матвеева, 2013, с. 372].

В сфере законодательства существует ряд статей, регулирующих речевое поведение людей. Эти статьи опираются на законы о защите чести достоинства и деловой репутации, оскорблении, клевете, об экстремизме и экстремистской деятельности, а также закон о защите детей от информации. Существует множество научных работ, связанных с выявлением признаков оскорбительной речи, призывов к осуществлению экстремистской

деятельности, побуждения к действиям, причиняющим вред здоровью и т.д. Наряду со спорными текстами, относящимися большей своей частью к публицистическому жанру, все чаще в поле зрения лингвистов стали попадать художественные тексты или тексты, имеющие художественную форму. Например, в преддверии выборов президента Российской Федерации Федеральной службой безопасности часто стали отслеживаться листовки, рассчитанные на массовое распространение среди населения, в которых в стихотворной форме выражаются идеи экстремистского характера. При проведении экспертизы данных листовок возник вопрос о методике анализа художественных текстов. Как известно, основным признаком художественности текста является множественность интерпретации, что значительно затрудняет проведение лингвистической экспертизы с целью выявления и толкования языковых единиц и смысла высказывания. Несмотря на то, что текст листовки был «упакован» в стихотворную форму и имел деление на строфы, а также содержал рифму и некоторый образный ряд, его художественность при разборе была снята. Причиной этого послужило выявление в тексте высказываний, имеющих побуждение к насильственным действиям против представителей определенной этнической группы, направленные на унижение лиц, принадлежащих к определенной этнической группе и т.д. Подобного рода высказывания, обнаруживают истинное намерение автора – настроить одну этническую группу против другой. Приемы художественного текста в таком случае применяются автором для усиления степени воздействия на адресата с целью манипуляции.

Еще одним важным фактором при проведении лингвистической экспертизы спорного текста является соответствие действительности. Художественный текст предполагает бесконечное множество интерпретаций, потому как каждый раз раскрывается в сознании читателей. Интерпретация, по словам Арутюновой, не предполагает категорию истинности и не претендует на нее.

Художественный текст, как особая форма коммуникативного акта, не имеет четкого указания на адресата, однако обязательно имеет его в виду. Как всякое коммуникативное произведение, оно содержит в себе:

- локутивный акт, который формируется в замысле писателя, в выборе темы и адресной группы (молодежь, средний возраст, мужская, женская или детская аудитория и т.д.)

- иллюкутивное намерение, которое находит воплощение в написании и издании текста, по времени этот процесс занимает намного больше времени, чем при непосредственном общении, но суть от этого не меняется.

- перлокутивный эффект, который проявляется в реакции и отсутствии реакции на произведение со стороны читателей.

Нельзя не учитывать, что даже прямая форма призыва, содержащаяся в художественном тексте, может служить цели художественного выражения. Так, например, в поэме В. Маяковского «150 000 000» содержатся такие реплики:

- жарь, / жги, / режь, / рушь!

По форме данные высказывания относятся к побудительным и могут восприниматься как призывы к насилию. При анализе речевой ситуации, в которой произносятся данные призывы, мы понимаем, что происходит революционное восстание. Автор в поэме использует прием многоголосия для того, чтобы передать переключку мнений разных людей относительно революции. В данном случае слова *жарь, жги, режь, рушь!* несут в себе негативную информацию и обладают повышенной экспрессией, соответственно, несут в себе высокий конфликтогенный потенциал. Однако целью их употребления выступает передача во всей полноте художественного образа революции, которая с одной стороны «благословенная», а с другой «трижды проклятая».

Художественный текст - это текст с неявной коммуникативной функцией высказывания, где особую роль играют подтексты. *Подтексты не позволяют дать однозначную оценку содержанию речевого произведения.*

Данным свойством художественного текста пытаются воспользоваться люди, которые стремятся манипулировать сознанием общества и избежать при этом наступления правовой ответственности. Выбирая наиболее сильно воздействующие языковые средства, учитывающие возрастные, гендерные или иные особенности адресной группы, автор облачает высказывание в художественную форму.

В ходе обучения нами была проведена лингвистическая экспертиза художественного текста (см. Приложение), направленная на выявление признаков призыва к самоубийству. Основанием для проведения лингвистического исследования послужило письменное обращение директора АНО «Приволжское окружное бюро информационной аналитики и экспертиз» Р.В. Охлопкова. Перед лингвистами был поставлен ряд вопросов¹⁸. Объектом исследования выступила книга «Пятьдесят дней до моего самоубийства», автором которой является Стейс Крамер. Нами был разобран второй вопрос и сделаны соответствующие выводы.

На примере, описанном выше, мы видим, что в дальнейшем художественная литература может стать объектом судебного разбирательства не только по вопросам плагиата и в рамках закона о защите детей от информации, но и с точки зрения выявления в тексте пропаганды суицида, призывов к совершению действий, причиняющих вред здоровью и т.д. Подобные лингвистические экспертизы требуют от эксперта высокого профессионализма и углубленных познаний в области лингвистики, умения увидеть границу между художественным замыслом и имплицитно выраженным призывом и пропагандой. О.Н. Матвеева в своей статье «Художественный текст как объект лингвистической экспертизы» пишет, что «Специфика художественного текста как объекта лингвистической

¹⁸ 1. Содержатся ли в данном произведении высказывания, в которых дается положительная оценка суицида? 2. Имеются ли в данном произведении высказывания, направленные на пропаганду идей суицида? 3. Содержатся ли в данном произведении призывы к совершению суицидальных действий? 4. Содержатся ли в данном произведении советы, указания или предложения по совершению суицидальных действий?

экспертизы состоит в том, что с одной стороны, он может содержать в себе признаки языкового правонарушения, а с другой, - служит главным средством защиты. В целом очерченная область представляет больше вопросов, чем ответов в сфере теоретической юридической лингвистики и практического судебного речеведения» [Матвеева, 2013, с. 376]. Поэтому исследования в данной области являются актуальными и требуют детальной проработки.

Выводы по второй главе

Во второй главе нашего исследования мы пришли к выводам, что современная драматургия, в силу своих специфических особенностей, является подходящим материалом для проведения лингвопрагматического анализа. Нами были проанализированы фрагменты из пьес современных драматургов (В. Сигарева «Пластили», «Волчок», Ю. Клавдиева «Пойдем, нас ждет машина», Н. Коляды «В Москву, разгонять тоску! (Провинциалки)», И. Андреева «Боюсь стать Колей», Д. Данилова «Человек из Подольска»), в которых мы выделили следующие лингвопрагматические средства создания конфликтных ситуаций:

- слова, незнакомые адресату (термины «неандерталец», «Хомо Сапиенс»);
- ненормативная и обценная лексика (на х.й, сука, пиз...те и др.);
- слова с отрицательной семантикой (подонок, отбросы, наркоманы, психопат и др.);
- сленгизмы (короста, ботанщина, удоуд и др.);
- просторечия (морда, башка и др.);
- дискурсивные слова (чё, епт, хоп-па и др.);
- зоосемантические метафоры (корова, курица, жаба, щенок и др.);
- неготовность коммуникантов к общению (назревание конфликта в докоммуникативной фазе);
- несоблюдение правил общения и нарушение этикетных норм (некорректное употребление ты-/Вы-форм и др.);

- конфликтные речевые стратегии: дискредитации, инвективная стратегия, ухода от взаимодействия, подчинения;

- конфликтные речевые тактики: отсылы, грубого отказа, грубого прерывания контакта, колкости, угрозы, запугивания, насмешки, оскорбления, порицания, обвинения, возмущения.

Нами было выявлено, что употребление персонажами конфликтных речевых стратегий и тактик для решения конфликтных ситуаций, приводит к негативному результату (проявлению физической агрессии, состояние фрустрации коммуникантов после окончания общения, непонимание и неудовлетворение всех сторон коммуникации). Тогда как использование стратегии кооперации (фрагмент «В Москву – разгонять тоску! (Провинциалки)» Н. Коляды) приводит к правильному решению конфликта и примирению сторон.

Также мы выявили, что ненормативная лексика, жаргонизмы, сленгизмы, обценная лексика служат для создания образа «конфликтной личности». Автор вводит персонажей из низших слоев населения, чья речь изобилует стилистически сниженной лексикой, для создания острых конфликтных ситуаций в пьесах.

Мы установили, что пьесы современных драматургов являются своеобразным «отражением» речи и поведения реальных людей, пропущенным через художественное видение автора. Современная драма является «сборником» самых опасных конфликтных сценариев, анализ которых позволяет рассмотреть и типизировать конфликтные лингвопрагматические средства.

В ходе исследования мы пришли к выводам, что на данном этапе развития общества, художественная литература не может выступать в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, призывам к экстремистской деятельности, клевете и оскорблению, но в будущем проблема юридизации художественного текста может стать актуальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Знание сценариев конфликтного типа взаимодействия обеспечивает предсказуемость речевого поведения, способствует распознаванию потенциально конфликтных ситуаций. Аналитический разбор и типизация таких ситуаций позволяет прогнозировать возможный ход развития речевого конфликта и планировать меры для его погашения.

Исследуя и описывая драматические тексты, несущие в себе конфликтогенный потенциал, считаем важным использование термина «вербальная агрессия», под которой мы понимаем высказывание, которое направлено на нанесение собеседнику «эмоционального удара» с целью вызвать у него мгновенную негативную реакцию.

Среди проявлений речевой агрессии наибольшим конфликтным потенциалом обладают оскорбление, грубое требование, грубый отказ, угроза, едкая насмешка, враждебное замечание, клевета, призыв к экстремистской деятельности и другие речевые действия, направленные на причинение ущерба адресанту. Высоким конфликтогенным потенциалом обладают оценочные слова и выражения, ненормативная лексика, экспрессивная, негативно окрашенная лексика, многозначные слова, неразвернутые в контексте омонимы, слова, неизвестные собеседнику.

Установлено, что к грамматическим факторам конфликтного коммуникативного акта можно отнести местоимения второго лица (ты-/Вы-формы), глагольные формы второго лица (выбор которых имеет под собой этикетное основание), императивы совершенного вида, частицы, вводные слова (дискурсивные единицы), а также жаргонизмы, сленг, и другие слова, вынесенные за норму литературного языка и несущие в себе экспрессию.

Проанализировав фрагменты пьес современных драматургов «Пластинин», «Волчок», «Боюсь стать Колей», «В Москву – разгонять тоску!

(Провинциалки)», «Пойдем, нас ждет машина...» мы выявили, что данные языковые единицы понижают стиль общения и способны привести к понижению самооценки как адресанта и адресата; они являются конфликтогенами, на основе которых разворачивается речевой конфликт в драматическом диалоге.

Есть и другие прагматические факторы способные повлиять на ход коммуникативного акта: социальный статус (возраст, пол и т.д.); задачи и цели коммуникантов; условия общения, место, время и другие параметры; распределение социальных ролей между коммуникантами.

Герои пьес используют различные тактики конфликтного общения: отсыл с применением обценной лексики; грубое требование, возмущение (неодобрительную оценку), насмешку, колкость, упрек, обвинение, демонстрацию обиды, угрозу, оскорбление, обвинение, упрек.

Авторы современных пьес подвергают тщательному отбору речевые конструкции и ситуации их применения. Таким образом, драма, как особый род литературы, способна показать жизнь в ее реальном воплощении. Особенно это заметно в произведениях В. Сигарева и Ю. Клавдиева, чьи пьесы затрагивают острые социальные проблемы и, часто, полны натурализма и экспрессии.

Отличительной чертой современных драматургов является склонность к эпатажу, использование языковых и неязыковых средств для создания «шокирующего» эффекта («новая новая драма», документальный театр, социальный театр).

Отражая в своих произведениях факты реального мира, драматурги воспроизводят речь, звучащую вокруг них, фиксируя при этом все языковые средства, наиболее употребительные в обществе. В речь персонажей проникают просторечные формы, сленгизмы, вульгаризмы, ненормативная лексика. Это художественное изображение того мира ужаса, который может наступить, если общество не обратит внимание на острые социальные проблемы, среди которых безответственность родителей, невнимание

учителей к проблемам школьников, безразличие и агрессия окружающих, распространение пагубных привычек. «Болезни» современного общества находят свое отражение в языке в речевой агрессии, которая неизбежно приводит к речевым конфликтам. Анализируя диалоги в подобных пьесах, лингвисты способны «вытащить на свет» все самые острые и нерешаемые речевые конфликты, рассмотреть их, детально разобрать, показать наиболее опасные сценарии разворачивания речевых конфликтов и наиболее характерные лингвопрагматические средства создания речевых ситуаций конфликтного общения.

Выявленные лингвопрагматические факторы, создающие конфликтные речевые ситуации, помогут лучше понять природу реальных речевых конфликтов, происходящих в современном обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И. Боюсь стать Колей [Электронный ресурс] - режим доступа: https://mos.media/media/files/805aa55e92c011e5b8059c8e99086854-Andreev_Vojus.pdf
2. Апресян, В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке [Электронный ресурс] - <http://os.x-pdf.ru/20jazykoznanie/388304-1-implicitnaya-agressiya-yazike1-apresyan-institut-russkogo-yazika-vin.php>
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Баучиева З.Б. Речевая агрессия и пути ее преодоления // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20740> (дата обращения: 12.12.2017)
5. Болотян И.М., Лавлинский С.П. Конфликт драматический. / И.М. Болотян, С.П. Лавлинский // Новый Филологический Вестник № 2(17) Москва - 2011. – С. 114-118.
6. Бринёв К.И. Теоретическая лингвистика и судебная экспертиза: монография / К.И. Бринёв; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252с.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. М., 1996.
8. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ Москва: Восток Запад, 2008. – 316с.
9. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика. / М.,1968. Т. 1. – 305с.
- 10.Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Юрислингвистика-2, Барнаул, 2000. – С. 8-40 [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm> (дата обращения 12.12.2017)

11. Голев, Н.Д. Речевой жанр ссоры, конфликтные сценарии (на примере рассказов Шукшина). [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v86.html>
12. Голев, Н.Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений: Сайт «Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://siberiaexpert.com/publ/rechevoj_konflikt_v_aspekte_mnozhestvennosti_i_interpretacii_rechevykh_proizvedenij_na_materiale_russkikh_igrovyykh_tekstov/3-1-0-211 (дата обращения 15.09.2017)
13. Гончарова-Грабовская С.Я. Актуальные проблемы русской драматургии конца XX — начала XXI в.: учеб. пос. — Комедия в русской драматургии конца XX- начала XXI века- М.: Флинта/наука, 2006. С. 3 - 53
14. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Под общ. ред. Е.В.Падучевой. М., 1985. С. 217–237.
15. Грайс, П., Лич, Дж. Основные принципы речевой коммуникации [Электронный ресурс] / П. Грайс, Дж. Лич. – Режим доступа: http://studopedia.ru/1_82801_printsipi-germana-pola-graysa-i-dzhordzhalicha.html. (Дата обращения 4.03.2018)
16. Громова Н.С. Речевая агрессия от речевых ошибок до правонарушений [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/article/view/2670>
17. Громова М. И. «Русская современная драматургия». Учебное пособие М.: Флинта/наука, 2013
18. Данилов Д. Человек из Подольска [Электронный ресурс] - режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2017/2/chelovek-iz-podolska.html

19. Ермакова О. П. К построению типологии коммуникативных неудач [Текст], на материале естественного русского диалога / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993
20. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка, 2000 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
21. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. перераб. и доп. М.: Научно- издательский центр «Ладомир», 2001. 352 с.
22. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психологическая интерпретация речевого воздействия: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1990. 81 с.
23. Журчева Т. Рецептивная природа «новой драмы» как вызов режиссерскому театру в конце XX века /Т. Журчева // Новейшая драма рубежа XX-XXI веков: проблема автора, рецептивные стратегии, словарь новейшей драмы. Самара: Самарский гос. Университет, 2011. С. 72-80
24. Журчева, О.В. Природа конфликта в новейшей драме 21 века / О.В. Журчева // Новейшая драма рубежа 20-21вв.: Проблема конфликта. – Самара: Универс групп - 2009. – С.18-27.
25. Журчева, Т.В. «Толяттинская драматургия»: конспект критического очерка. / Т.В. Журчева // Новейшая драма рубежа 20-21вв.: Проблема конфликта. – Самара: Универс групп - 2009. – С.65-73.
26. Закоян, Л. М. Речевая агрессия в языковом сознании представителей русской лингвокультуры [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://ysu.am/files/statia.pdf>
27. Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.В. Манипуляция сознанием-2. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 528 с.

28. Клавдиев Ю. Пойдем, нас ждет машина [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://www.theatre-library.ru/authors/k/klavdiev>
29. Кожина М. Н. Стилистика и некоторые ее категории / М. Н. Кожина. Пермь, 1961. 209 с.
30. Крамкова О.В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности / Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2011, №6., с. 322-325 [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-i-pragmaticheskie-factory-konfliktogenosti>
31. Ктуха А.И. Языковая экспрессивность в художественном тексте. Материалы второй международной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». Саранск 2011г. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://yazik.info/2011-05.php>
32. Майданова Л. М. Агрессивность и речевая агрессия. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997. С. 9–13.
33. Максименко О.И., Хроменков П.Н. Конфликтогенные компоненты текстов авторской поэзии. Московский государственный областной университет.
34. Матвеева О.Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennyy-tekst-kak-obekt-lingvisticheskoy-ekspertizy-1>
35. Матвеева О.Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennyy-tekst-kak-obekt-lingvisticheskoy-ekspertizy-1>
36. Меркулова, М.Г. Новая драма. / М.Г. Меркулова // Новый Филологический Вестник № 2(17) Москва - 2011. – С. 122-127.

37. Месропян Л.М. Речевая агрессия: проблема типологизации // ВЕСТНИК Пятигорского лингвистического университета. – 2013. – № 4, июль - сентябрь. – С.128-132.
38. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: словарь сленга. По материалам 70-90х годов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Фолио-Пресс, 1988. – 592с.
39. Николина Н.А. Филологический анализ текста. 3-е издание, Москва: Академия – 2008. – 268с.
40. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО А ТЕМП , 2006. 944 с.
41. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–129.
42. Пави, П. Словарь театра / П.Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.
43. Полканова А. А. Конфликт в драматическом произведении: личностный и социальные аспекты. / А.А. Полканова // Вестник МГЛУ. Выпуск № 6 (639) – 2012 [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-v-dramaticheskom-proizvedenii-lichnostnyu-i-sotsialnyu-aspekty>
44. Попова А. А. Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека. Молодой ученый. 2015. № 14. С. 697–700.
45. Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-manipulyatsiya-v-povsednevnoy-kommunikatsii>
46. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html>
47. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К.Ф. Седов - М: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 440с.

48. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169
49. Сигарев В. Волчок [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2006/4/si2.html>
50. Сигарев В. Пластилин [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2000/6/u07.html>
51. Сизова М. Парадокс Леванова Литературно-художественный журнал Современная драматургия №4 Москва – 2012. С. 198-201.
52. Сизова, М. Образ пространства в пьесе Юрия Клавдиева «Собиратель пуль». / М. Сизова // Новейшая драма рубежа 20- 21вв.: Проблема конфликта. – Самара: Универс групп - 2009. – С. 73-77.
53. Сомова Л.А. Изучение текста / дискурса студентами-филологами в аспекте речевой конфликтности // Сб. материалов V Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты», 2015. - С.345-351.
54. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. - 66 с.
55. Стернин И.А. Коммуникативное поведение / Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория, науч. ред. Воронеж, 2003.
56. Стернин И.А. Эффективное речевое воздействие / И. А. Стернин // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж, 2008. С. 253–293.
57. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы. // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Сб. науч. тр. Калининского ГУ. – Калинин, 1984.
58. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1995; М., 2000.
59. Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт [Текст]: моногр. / В. С. Третьякова. Екатеринбург: изд-во ГОУ ПВО, 2009. 231с.

60. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация речевого общения. Екатеринбург, 2003. 301 с.
61. Третьякова, В.С. Конфликт как феномен языка и речи [Текст]/ В.С. Третьякова // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 2. – М.: Галерея, – 2003. – С.220-228.
62. Тубалова, И.В., Эмер, Ю.А., Перевалова, Д.А. «Конфликтогенный текст»: когнитивные и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование). / Вестник Томского государственного университета. Выпуск № 365 / 2012. [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konfliktogennyy-tekst-kognitivnyye-i-yazykovye-osobennosti-porozhdeniya-eksperimentalnoe-issledovanie>
63. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская – М.: Рус. Яз., 2002. – 216с.
64. Хализев, В.Е. Теория литературы Москва: Высшая школа – 1999. – 238с.
65. Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного контент-анализа)
66. Чернышова, Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания [Текст] / Т.В.Чернышова // Юрислингвистика- 3. Проблемы юридической экспертизы. – Барнаул, 2002, С.42-45
67. Четина Е. «Новая драма» 2000-х годов: проблемы и стратегии развития. / Е. Четина // Новейшая драма рубежа 20- 21вв.: Проблема конфликта. – Самара: Универс групп, 2009 – С. 80-89.

68. Чистюхин, И.Н. О драме и драматургии [Электронный ресурс] - режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2957247/> (дата обращения 23.02.2017)
69. Шанский П. М. Лингвистический анализ художественного текста / П. М. Шанский. Л.: Просвещение, 1984. 415 с.
70. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. - 190 с.
71. Шевченко, Е.Н. Постдраматический театр. / Е.Н. Меркулова //Новый Филологический Вестник № 2(17) Москва - 2011. – С. 130-135.
72. Шлейникова, Е.Е. Речь персонажей / Е.Е. Шлейникова // Новый Филологический Вестник № 2(17) Москва - 2011. – С. 135-139.
73. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.
74. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, Т.2 / Пер. с нем. -- Мн.: ООО "Попурри", 1999. - 832 с.
75. Шыныбекова А. С. Прагматика речевого общения в драме [Электронный ресурс] - режим доступа: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2010/Philologia/64282.doc.htm (дата обращения 06.05.2018)
76. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина – М.: Едиториал УРСС, 2006, - 360с.
77. Щербинина Ю. В. Методы диагностики речевой агрессии. Прикладная психология и психоанализ. 2001. No 3.
78. Щербинина, Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления [Текст] / Ю.В. Щербинина. – М.: Флинта: Наука, 2004.
79. Энциклопедический словарь. 2009 [Электронный ресурс] - режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>
80. Якубович Д.О Речевой конфликт как разновидность речевого взаимодействия / Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2

- ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск: «Белорусский Дом печати», 2011. – С.29-32. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/52747>
81. Buss, A. H. Aggression Pays [Text] / A. H. Buss // The Control of Aggression and Violence. Cognitive and Physiological Factors. – L.: Academic Press, 1977. - P.7-20.
82. Crystal, D. Language and the Internet. [Text] / D. Crystal - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 316 p.
83. Fairclough, N. The Dialectics of Discourse [Text] / N. Fairclough – Textus XIV, 2001. – p. 231-242.
84. Infante, D. A. Test of an argumentative skill deficiency model of interspouse violence [Text] / D. A. Infante, T. A. Chandler, J. E. Rudd // Communication monographs, 1989. - P. 163-177.
85. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction [Text] / A. Wierzbicka. – 2nd ed. – Berlin: Walter de Gruyter, 2003. – 502 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

2 Вопрос: Содержатся ли в данном произведении высказывания, направленные на пропаганду идей суицида?

Рассмотрим, как понятие пропаганда толкуется в современных словарях, а также критерии оценки распространения информации о самоубийстве с точки зрения Роспотребнадзора:

Пропаганда - Распространение в обществе и разъяснение каких-н. воззрений, идей, знаний, учения. Агитация и п. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992.

Пропаганда - Распространение в обществе каких-либо идей, воззрений, знаний путем постоянного глубокого и детального их разъяснения. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

В целях совершенствования правового регулирования в сфере запрещения распространения информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства, Роспотребнадзором с участием представителей интернет-сообщества, экспертов в области суицидологии, проведена работа по разработке критериев оценки информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства.

Подготовленные критерии содержатся в межведомственном приказе Роскомнадзора, ФСКН России и Роспотребнадзора от 11 сентября 2013 г. № 1022/368/666.

III. Критерии оценки информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства, необходимые для принятия решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети "Интернет", а также сетевых адресов в Единый реестр.

3.1. К призывам к совершению самоубийства относится информация, отвечающая одному или нескольким следующим критериям:

3.1.1. наличие предложения, просьбы, приказа совершить самоубийство;

3.1.2. наличие указания на самоубийство как на способ решения проблемы;

3.1.3. выражение положительной оценки, либо одобрение: совершения самоубийства, либо действий, направленных на самоубийство, или намерений реального (воображаемого) собеседника или третьего лица совершить самоубийство, а также призыва, побуждающего совершить самоубийство;

3.1.4. информация, содержащая побуждающие к совершению самоубийства аргументы, включающие утверждения (суждения), не содержащие прямого либо явного побуждения, но способные склонить к принятию решения о совершении самоубийства, в том числе, посредством приведения конкретных примеров, представляющих собой

популяризацию конкретных действий других людей, которые уже совершили самоубийство, и (или) утверждения (суждения) о преимуществах, которые получили лица, совершившие самоубийство, в том числе представление самоубийства как обыденного явления (приемлемого, логичного и закономерного в современном обществе поступка);

3.1.5. выражение осуждения, высмеивания неудавшейся попытки совершить самоубийство, в том числе, включая описание отношения, чувств и обсуждения темы лицами, имеющими опыт попытки самоубийства;

3.1.6. наличие любого объявления, в том числе о знакомстве, с целью совершения самоубийства, в том числе группового и (или) ассистированного, осуществленного с чьей-либо помощью, либо в чьем-то присутствии, либо под чьим-то наблюдением, самоубийства, а также в целях попытки совершения самоубийства;

3.1.7. наличие опроса (голосования), теста, рейтинга на предмет выбора самоубийства как способа решения проблемы, равно как на предмет выбора

наиболее безболезненного, надежного, доступного, эстетичного способа самоубийства.

3.2. К информации о способах совершения самоубийства относится:

3.2.1 наличие информации об одном и более способах совершения самоубийства; описания (демонстрации), в том числе текст, изображение или иная информация (материалы) (в том числе с использованием аудио- и видеосредств на рассматриваемой странице сайта в сети "Интернет"), процессов, процедур, изображающих (воспроизводящих) любую последовательность действий, и (или) возможных результатов (последствий) совершения самоубийства, средств и (или) мест для совершения самоубийства в контексте рассматриваемого на странице в сети "Интернет" способа самоубийства;

3.2.2. наличие информации о совокупности необходимых для самоубийства условий (выбор места, времени, способа, иные подготовительные действия, которые необходимо совершить для достижения цели самоубийства). (<https://rg.ru/2013/11/21/reestr-dok.html> - дата обращения 22.11.2017)

Опираясь на толкование понятия «пропаганда самоубийства» и критерии, мы проанализировали фрагменты текста, где употребляются слово «самоубийство» и сходные с ним слова и выражения, обозначающие в контексте произведения добровольный уход из жизни, такие как: уйти из жизни, умереть, покончить с собой.

В данном тексте нами были выявлены следующие критерии:

1. Наличие указания на самоубийство как на способ решения проблемы:

1) Я перекидываю свою четырехкилограммовую сумку с учебниками через ворота и залезаю наверх. И тут срабатывает механизм, и ворота открываются! Еще одна причина моего будущего самоубийства – я неудачница. Причем с большой буквы «Н».

2) КОРОЛЬ ПРЫЩЕЙ ПРИЗНАЛСЯ МНЕ В СИМПАТИИ. Это была единственная валентинка в моей жизни, и это еще одна причина моего планируемого самоубийства – я никогда никому не нравилась, а если даже и нравилась, то это были парни наподобие Чеда, такие же страшненькие, но достаточно умные.

3) У меня не дом, а просто тюрьма какая-то, где нельзя ни выпить, ни повеселиться. Это еще одна причина моего будущего самоубийства.

4) Вот я и снова в своем нелюбимом городе Бревэрде. В принципе, у нас не такой уж и плохой городишко, но такое впечатление о нем у меня сложилось из-за людей, живущих здесь. Из-за матери, которая теперь, по всей видимости, хочет стать другим человеком. Из-за отца, который абсолютно пассивен в этой жизни и лишь изредка интересуется нашей семьей. Из-за подруги, которая вроде бы и не совсем тупая, но делает такие поступки, что и пятилетний ребенок на ее месте так не поступил. Из-за Мэтта, который вроде бы и самоуверенный, но слабохарактерный. Они – мои основные причины для самоубийства. Но без них я, наверное, и оставшихся дней не проживу. Вот так все сложно.

Осталось 39 дней. Лори

5) Я не слышу его. Мы выходим в коридор, я иду за Ником не сопротивляясь. А к чему тут сопротивления? Я не хочу видеть Мэтта в луже крови, а то, что сейчас произойдет между мной и Ником послужит самой весомой причиной для моего самоубийства. Теперь-то я точно знаю, что мне не жаль расстаться с этой жизнью.

6) – Глория, прости меня, пожалуйста. Прости за то, что я тебе не поверила. Я такая дура! Ну, почему я такая наивная?! – Ребекка вся покраснела, ее глаза распухли, на коленках огромные царапины, из них нешуточно кровоточит. Чед отдал ей свой пиджак, но она все еще жметя и дрожит. Она напоминает мне меня. Когда я так же ненавидела себя за свою доверчивость к людям. Я доверилась Нику, Мэтту, Тезер, и что из этого получилось? Причин для самоубийства стало намного больше.

7) Когда ты наконец понимаешь, насколько твоя жизнь дерьмо и насколько ты сам являешься дерьмом, тебе остается лишь побороть себя и решиться на самоубийство. Это и есть мой случай.

8) – Ты не в праве решать мою судьбу. Я хотела, чтобы за эти пятьдесят дней я сто раз передумала о суициде, но теперь у меня появилось еще сто причин, чтобы свести счеты с жизнью.

9) – А ты подумала о родителях, о друзьях?

– Да. Много раз. У папы новая любовница, так что я для него обуза. Может, погрузит недельку, а потом снова заживет нормальной жизнью. Мама –

больна. Она все мои шестнадцать лет твердила, как ненавидит меня и как жалеет, что не избавилась от меня в первый же день, когда узнала о своей беременности. Бабушка выходит замуж. Я за нее счастлива. Думаю, что хоть это поможет ей забыть обо мне. А друзья? У меня их почти нет. Лучшая подруга готова закопать меня заживо, а с Ребеккой мы знакомы всего ничего, она с этим справится. Больше никого и не осталось. Больше не для кого жить.

В приведенных выше фрагментах автор перечисляет проблемы главной героини: неудачи, отсутствие личных отношений, семейное неблагополучие и другие. В качестве решения проблем героиня выбирает самоубийство, обосновывая свой выбор наличием этих проблем.

2. выражение положительной оценки, либо одобрение: совершения самоубийства, либо действий, направленных на самоубийство, или намерений реального (воображаемого) собеседника или третьего лица совершить самоубийство, а также призыва, побуждающего совершить самоубийство:

1) Мысль о самоубийстве – могучее утешение, с ней проживаешь много трудных ночей. Фридрих Ницше

В данном предложении дается положительная оценка самоубийству, как утешению.

Утешение - 1. процесс действия по гл. утешать, утешить 2. Результат такого действия; то, что приносит успокоение; отрада, удовольствие. Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

2) – Да уж... если я был девчонкой на твоём месте, я бы уже давно покончил жизнь самоубийством, – мне захотелось смеяться на этом моменте и сказать «а я как раз это и собираюсь сделать через 19 дней», – но ты встретила нас, и твоя жизнь кардинально изменится, я тебе обещаю. Теперь мы одни против целого мира – и это круто.

3) Действительно, чего я так боюсь, в любом случае, если я прыгну с обрыва и разобьюсь о воду, это будет не так ужасно. Подумаешь, совершу самоубийство раньше положенного срока. Хуже я этим себе точно не сделаю.

3. наличие опроса (голосования), теста, рейтинга на предмет выбора самоубийства как способа решения проблемы, равно как на предмет выбора наиболее безболезненного, надежного, доступного, эстетичного способа самоубийства – в данном тексте автор рассуждает о способах самоубийства:

1) Мне осталось жить меньше месяца, а я еще даже не продумала способ моего самоубийства. Что это будет? Повешение? А может, напиток снотворного? Нет, меня так могут легко откатать. Нужно за оставшиеся дни как можно тщательнее продумать свою будущую смерть.

Осталось 27 дней.

2) Согласен, взять и перечеркнуть все свои планы – непросто. Да и тем более тебя так же, как и нас, ждет суд. Но есть один выход, Глория. Ты должна покончить с собой...

Но не по-настоящему.

Я понимаю, это звучит, как бред, но я прошу тебя, отнесись к моим словам серьезно.

Помнишь, как мы пытались инсценировать смерть, когда бросились с моста всем фургоном? Да, такое сложно забыть. Тогда у нас ничего не получилось, но, может быть, теперь у тебя получится?

Самое главное, чтобы твои родные и полиция поверили, что ты действительно покончила с собой. Будет очень хорошо, если на мосту будут свидетели твоего «самоубийства», тогда никто ни к чему не придерется.

Внизу я написал номер одного моего соратника. Он сделает тебе новые документы и предоставит убежище. Все, что тебе нужно, – это деньги. Понимаю, задача не из легких, но я надеюсь, что ты справишься с этим.

Нас направляют в Марион, штат Иллинойс. Туда тебя и отвезет мой человек.

Если у тебя все получится, то мы очень скоро встретимся с тобой, Глория.

Я умоляю тебя, сделай так, как я прошу.

Умри, но останься жива.

В данном фрагменте автор дает подробное описание того, как следует совершить самоубийство, а также называет самоубийство решением проблемы – выходом из сложившейся ситуации.